

133 Контр Дир.
мрса Лубова

у-80

74-1

Польберг Л.

3-й экз.

КОМЕДІЯ
ГОРДОСТЬ и БѢДНОСТЬ

ГОСПОДИНА ГОЛБЕРГА,

ПЕРЕВЕДЕНА

ИВАНОМЪ КРОПОТОВЫМЪ

ВЪ 1757 ГОДУ,

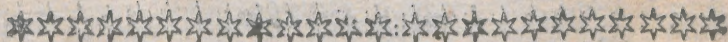
ВЪ ЯНУАРЬ МѢСЯЦѢ

И

ТОГО ЖЕ ГОДА ПРЕДСТАВЛЕНА

НА

ПРИДВОРНОМЪ ТЕАТРѢ.

Печатана при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ , 1774 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДОНЪ РАНУДО ДЕ КОЛИБРАДОСЪ, Испа-
нецъ знашнаго родѣ.

ДОННА ОЛИМПІЯ, жена его.

ДОННА МАРІЯ, дочь ихъ.

ГОНЗАЛО, любовникъ Донны Маріи.

ИЗАБЕЛЛА, сестра его.

ПЕДРО, лакей.

ЛЕОНОРА, служанка, } *Дона Ранудо.*

ГУСМАНЪ, пажъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

ИСТАРІУСЪ.

СВИТА, Принца Ефіопскаго.

ДѢЙСТВІЕ въ Испаніи въ домѣ
Доны Ранудо.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гонзало и Изабелла.

ГОНЗАЛО.

И правда сестрица, я не вижу никакой находки въ еяной невѣстѣ; однакожъ и по сказанью надобно: любовь моя все преодолеваетъ. Фамилія ея хотя знашная издревле, да вишь и наша не хуже. Когда они больше великихъ людей въ родѣ своемъ имѣли, такъ мы можемъ богатствомъ похвалиться, и въ таковой ихъ бѣдности много помочь. Да какъ бы то ни было, и ни на что не взирая, я люблю дочь ихъ Донну Марію чрезвычайно, и сожалею, что она такъ бѣдна, а родители ей глупую свою спесь столько слуху въ городъ надѣлали, что вся Испанская надѣмъ невинно отъ того спрраждетъ:

ИЗАБЕЛЛА.

Братецъ! я въ томъ не спору: бѣдность ея нашимъ достаткомъ поправится, да на чтожъ такимъ людямъ рабѣдствовать? Какъ можно то
А 2
сносить?

сносить? должно конечно за честь свою стоять, что тебя такъ презираютъ, и какъ скоро хоть маленькое подозрѣніе примѣпишь, то томъ часъ долженъ бросить и впередъ никогда о томъ не думать.

ГОНЗАЛО,

Ахъ сестрица! ты можешь быть не знаешь, что есть любовь; а когда бы знала, то бы конечно не стала такъ говорить; несполубіе часто во мнѣ съ любовью боролось; однакожъ побѣждала любовь всегда.

ИЗАБЕЛЛА.

А когда по видимому нѣтъ никакого способа то получить, такъ не лучшели взявъ разсудокъ разумнаго челоуѣка, любовь ту выкинуть совсѣмъ изъ головы.

ГОНЗАЛО.

Далеко отъ того, чтобъ любовь моя отъ презрѣнія родителей его ко мнѣ погаснуть могла: она лишь тѣмъ пламень свой умножаетъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я думаю братецъ! ты хочешь, чтобъ о любви твоей исторію сдѣлали, а тыбъ Героемъ въ ней былъ, право мнѣ это все баснею кажется.

ГОНЗАЛО.

Надежда не со всѣмъ вишь пропала. Я думаю, что ежели бѣдность ихъ продолжится, то они согласятся лучше дочь замужъ отдать, и тѣмъ фамилію свою возстановить, нежели отъ глупой гордости съ голоду умереть.

ИЗАБЕЛЛА.

Я вижу Гонзало! что ты гордости прямо не знаешь, когда такъ говоришь, они конечно лучше помрутъ, нежели согласятся.

ГОН-

* * *

5

ГОНЗАЛО.

Еще ты одного не знаешь.

ИЗАБЕЛЛА.

А что такое?

ГОНЗАЛО.

Я увѣренъ какъ бы они ни презирали, а дочь ихъ меня очень любишь, она недавно говорила съ теткою моею съ великою горестію о томъ, что родилела до такого состоянія ея доводятъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Да ещо нимаю не поможетъ: они за нею такъ прилѣжно смотрятъ, что ей никакъ не лѣзя и видѣть себя, а не только обхожденіе частое имѣть.

ГОНЗАЛО.

Правда, однакожъ любовники способы такіе смыскаютъ, которыхъ никто не примѣшитъ; ежели прозба не поможетъ, то я къ обманымъ приступлю; а буде въ обманахъ удачи не будетъ, то всею силою способа искать буду, хотя бы то и жизни моей стоило.

ИЗАБЕЛЛА.

Мнѣ себя очень жаль, что ты въ такомъ состояніи находишься. Я уже не хочу больше намѣренія твоего хулить для того, что когда любовь къмѣ овладѣетъ, потѣ уже больше сожалѣнія, нежели наказанія достоинъ. Я всѣми силами о тебѣ стараюсь буду. Дай Богъ! чинобъ я могла чѣмъ тебѣ помочь. . . . Да вотъ Педро идетъ, поди ты шеперь прочь, я хочу съ нимъ поговорить.

❁ ❁ ❁

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Педро и Изабелла.

[одала]

ПЕДРО.

Вотъ изрядно! теперь совсѣмъ чисто, нѣтъ ни ложки ни ложки: меня послали занять на себя кошелѣ, для того что на боярское имя уже никто не даетъ. Да ежели кто и мнѣ то дастъ, то нѣчево намъ вить въ немъ варить будетъ. Вездѣ такъ чисто, что ничего кромѣ пишула Свѣтлости да Сіятелиства не оспалось, которое хоть и все вмѣстѣ положи въ кошелѣ сварить, то пустая уха только будетъ: однакожъ они очень себя великими дѣлаютъ, а особливо госпожа; потому что она конечно лучше умереть съ голоду согласится, нежели хоть одну букву изъ своего великаго имени пропустить. Не дай Богъ! чтобъ я такого мнѣнія былъ человекъ. Я лучше продалъ бы одно имя отца моего, и честь всю за что нибудь; нежели какую нужду терпѣть, а не шокмо умереть съ голоду. Честь и почтение вещи очень хорошия; да елики ихъ въ обѣдѣ или въ ужинѣ вмѣсто пищи употребляютъ, то скоро до смерти можно обѣстаться будетъ. Я намѣренъ еще нѣсколько дней въ этомъ домѣ прожить; мнѣ не очень прудмо смотрѣть, какъ господа мои покушавши гороху, да пустой каши въ зубахъ ковыряютъ: для того что я хожу къ пріятелю обѣдать, а они вмѣсто конфетовъ забавляются дѣлами предковъ своихъ. Ба! да что это.

[подходя къ Изабеллѣ]

Покорнѣйшій слуга сударыня, для чего одна изволише ходить безъ служителя?

ИЗА.

ИЗАВЕЛЛА.

Да я ужъ доросла до такихъ лѣтъ, что сама безъ проводника ходить не боюсь. Педро! а что господа твои дѣлаютъ?

ПЕДРО.

Теперь гости у насъ кушаютъ; я иду конфетовъ купить.

ИЗАВЕЛЛА.

А кто гостей - та у васъ.

ПЕДРО.

У насъ Герцогъ, Дела Вера, Крукъ, Княгиня, Донца, Емилиа, Дела Шпадасъ, Геронимо Викторъ, Абадъ, Диего, иль Маркезъ, Фердинандо, Гонзалосъ супругою, и множество другихъ, о которыхъ говоримъ почитаю я себя недоспойнымъ.

ИЗАВЕЛЛА.

Такъ мыѣ теперь не лѣзя отважиться ихъ посѣпить.

ПЕДРО.

Нѣтъ! мы имѣемъ приказъ, сегодня никого не пускатъ, кромѣ такихъ, кои самыми древними и апапными Испанцами названы смѣются.

ИЗАВЕЛЛА.

Да для чего еще сегодня вздумалось имъ такой великой пиръ сдѣлать? У нихъ никогда едакова не бывало.

ПЕДРО.

Еще сдѣлано въ воспоминаніе побѣды, которую одинъ изъ предковъ ихъ Донъ Ромиръ де Колибродосъ въ ещѣ день одержалъ надъ Королемъ Месопамекимъ, и въ полонъ его взялъ. Дурно ежели много такихъ дней въ году будетъ; потому что кошелеку очень вредно. Я вамъ осмѣлюсь сказать: едакой ихъ пиръ стоитъ не меньше тысячи червонныхъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Да для чего жъ ты Педро въ такой великой
праздникъ, въ худой и изодранной ливрѣ!

ПЕДРО.

Для воспоминанія изодраннаго знамя, которое
вышепомянушой Донъ Рамиръ несъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Сколько я ни слыхала, но Генералы знаменъ въ
Багдаліи сами не носятъ.

ПЕДРО.

Нѣтъ сударыня: я вѣтъ сказалъ, что прапорщикъ
его несъ. Оно въ багдаліи пулями и ядрами такъ
было изодрано, какъ моя ливрѣ.

ИЗАБЕЛЛА.

А давно ли Донъ Рамиръ ешу багдалію выигралъ?

ПЕДРО.

Сего дни ровно шесть сотъ лѣтъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Ба! да тому еще триста лѣтъ, какъ ружья и
пушки въ употребленіи.

ПЕДРО.

Такъ сударыня! я очень малъ для спору съ
томи съ вами, и оставляю то въ своемъ мѣстѣ;
а въ томъ только побожись смѣю, что знамя
очень изодрано было: и для того я въ воспоминаніе
того, въ нынѣшней день по вся годы едакую ливрѣю
надѣваю.

ИЗАБЕЛЛА.

Да мнѣ кажется, что я тебя ужъ недѣли съ
четыре въ ешой ливрѣ вижу.

ПЕДРО.

Всякъ такъ ходитъ какъ хочетъ: а я имѣю къ
тому нѣкоторую причину.

ИЗА-

ИЗАБЕЛЛА.

Какая - то была бы причина, въ службѣ такихъ знатныхъ господъ, въ едакомъ раздранномъ рубищѣ ходить? иной подумаетъ, что еша фамилія въ скудость пришла.

ПЕДРО.

Въ скудость? да какъ, господинъ такой которой больше еша колѣнъ въ своей фамиліи щипаетъ, можетъ въ скудость прийти. Положимъ же на всякое имя въ колѣнъ хопя по червонному; шакъ - вить великая сумма будетъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я до тѣхъ поръ стану думать, что ето отъ бедности дѣлается; пока точной причины не узнаю.

ПЕДРО.

Чтобъ опнять ваше сомнѣніе, скажу вамъ причину. Господа наши примѣшили, что нынѣ у всѣхъ въ обычаѣ, богатые ливр-и имѣтъ; и тѣмъ знаемымъ отъ прочихъ опмѣниться не лзя. Такъ для того вздумали, чтобъ ихъ служители худо одѣвались; а какъ скоро увидятъ, что прочія спанутъ также худое платье носить, то я опять свой богатой кафтанъ надѣну. Вы я чаю, изволили въ Мадридѣ при Дворѣ видѣть, когда мѣщане богато наряжаются, тогда придворные простое платье носятъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Да! ето бываетъ; однакожъ они не ходятъ въ едакихъ раздранныхъ рубищахъ.

ПЕДРО.

Да! да! сударыня! Господа мои довольно знаютъ, что дѣлаютъ, они конечно ни за что не принимаютъ не разсудя о томъ прежде.

А 5

ИЗА-

ИЗАВЕЛЛА.

До тѣхъ поръ спану къ нему привязывался,
пока проговорится. [тихо]

[пѣ слухъ]

Да ты давиче сказывалъ Педро! чпо носишь
ешокъ изодраной кафшанъ въ воспоминаніе щого
анамя, которсе на бапаліи разбицо было.

ПЕДРО.

Чшобѣ шебя чортѣ взялѣ сѣ вопросамъ. [тихо]

[пѣ слухъ]

Я право не помню, что сказалъ сударыня, да
я знаю по, что господѣ моихъ домѣ полонѣ золо-
та и серебра, и всякихъ драгоценныхъ камней; и
попому видно, что не отъ бѣдности ешо дѣлается.
Подумайше сударыня! между прочими драгоценно-
стями ешь у нихъ родословная книга, которая боль-
ше нѣсколькихъ тысячъ стобитѣ.

ИЗАВЕЛЛА.

А какѣ во оцѣнку придетѣ, то можетѣ быть
не больше десятии копѣекъ оцѣнятѣ; да и по на
охотника, а барышникѣ и того не дастѣ: я знаю.

ПЕДРО.

Я хожу въ изодранной ливреѣ, ешо правда, да
ешо не для бѣдности господѣ моихъ, и я могу вамѣ
доказать сударыня, чпо сколь ни худо мое платье;
однакожѣ я ношу шелковой плашокѣ въ карманѣ.

{ *подернулъ изъ кармана худой шелковой плашокъ,* }
{ *сѣ которымъ пыкала сухая корка клѣва на-полѣ.* }

ИЗАВЕЛЛА.

Ха: ха: ха! смотри ты богатство свое на-
полѣ уронилѣ.

ПЕДРО.

Ешо кусокѣ шоколаду сударыня.

ИЗА-

ИЗАБЕЛЛА.

[поднявъ кусокъ смотритъ]

Да чему петь быть; еще гнилая корка хлѣба, посмотри шеколадъ ли это?

ПЕДРО.

Нѣтъ сударыня. Правда, это не шеколадъ, а кусокъ хлѣба; я взялъ было его съ собою для одной причины: когда бываю я посланъ къ Г-рцогу Дела-Вера со здоровьемъ, то всегда должно мнѣ брать съ собою кусокъ хлѣба, чтобъ собака у воротъ меня не съѣла.

ИЗАБЕЛЛА.

Еще правда Педро; богатые люди всегда боялись смерти ха: ха: ха: ха!

ПЕДРО.

Я беру смѣлость, сударыня! Вамъ напомнить: знавшимъ господамъ испригоже такъ хохотать.

ИЗАБЕЛЛА.

Благодарна другъ мой Педро за твое напомина-
нiе! ха: ха: ха: ха.

ПЕДРО.

Полно сударыня; право осудить васъ всякъ, есѣли кто улышишь или увидишь.

[мочитъ кититъ]

ИЗАБЕЛЛА.

Постой! мнѣ еще тебѣ надобно сказать нѣчто Пе-
дро; для чего ты имѣлъ такъ великой разумъ, и споль-
ко проворства употребилъ себя въ лакейскую службу?
ты можешь право во что нибудь другое употребленъ
быть.

ПЕДРО.

Я не студиловалъ, сударыня, впрочемъ благо-
дарю родителей моихъ за доброе воспитанiе; напу-
ра противъ меня довольно была щедра, и я бы не
правъ былъ, ежели бы иначе сказать хотѣлъ: одна-
кожъ

кожѣ незнаешель вы какого случая къ лучшему для меня сударыня?

ИЗАБЕЛЛА.

Знаю; мнѣ кажется, не лѣзя способнѣе тебя сыскашь, человека писавъ календари, а ещо такое ремесло, которымъ очень хорошо и славно прожить можно.

ПЕДРО.

Я слыжалъ сударыня, что шѣмъ, кто пишетъ Календари, гораздо лганы умѣнь надобно.

ИЗАБЕЛЛА.

Да я никого не знаю, чѣмъ лучше твоего лганы умѣнь, и въ вымыслахъ сѣолько шаспаннѣ былъ, ты; сказалъ какъ что господѣ твои дома сидя горохъ или кашу ѣдятъ, чѣмъ и правда, и чѣмъ ты вмѣсто конфетовъ ищешь пріятеля, у кого бы по оубадишь, за чѣмъ бы я тебѣ ешого ремесла имѣнь не соривовала.

ПЕДРО.

Сущую правду сказавъ: мнѣ хотѣлось было очень нужду и бѣдность господѣ моихъ сколько нибудь прикрыть и уплатить, да кусокъ хлѣба теперь обличилъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ Педро! ливрея твоя давно всѣмъ доказываетъ, чему у васъ въ домѣ бытъ надлежитъ.

ПЕДРО.

Я боюсь, чѣмъ платье самихъ господѣ моихъ еще пуще не обличило; господинъ мой хопя и бархатной кафшанъ носитъ, однакожъ прочее нѣмало къ тому не сходно, а госпожа вырѣзываетъ задніе полбѣтница, и шѣмъ, передніе почииваетъ, и для того при госпѣхъ не изволивъ оборачиваться спиною къ людямъ; ежелижъ ошъ кого прочь идетъ, то всегда задомъ, однакожъ не для учтивости, какъ нѣко-

нѣкоторыя дѣлаютъ, а конечно отъ глупой спеси, чтобъ никто бѣдности ихъ не примѣнилъ, которая назади ясно написана. А когда ей по нуждѣ оборопиться должно, то ужъ я и служанка заслонкою служимъ.

ИЗАВБАЛА.

Изъ всей этой нужды потѣ часъ могли бы они свободиться, когда бы только глупую спесь сплосжили, отдали дочь свою за-мужъ за Гонзало, которой очень въ нее влюбленъ.

ПЕДРО.

Я знаю! да они очень гордо всегда объ этомъ говорятъ; однакожъ можетъ быть теперь скольконибудь спеси той сбавитъ. Для того, что недо-статокъ сталъ больше, да можетъ быть и согла-сятся; ежели вы сами имъ о томъ поговорите, да вотъ идетъ служанка наша Леонора! вы лучше сдѣ-лаете; ежели съ нею о томъ поговорите, для того что она прехитрая дѣвка.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣжъ и Леонора.

ЛЕОНОРА.

О бездѣльникъ! воръ! ты у меня хлѣбъ мой у-несъ, что за трубою лежалъ.

ПЕДРО.

Какой хлѣбъ?

ЛЕОНОРА.

Смотри пожалуй, какъ онъ прикинулся: отдай скорѣе, мнѣ сего дни вѣсть нѣчево будетъ.

ПЕДРО.

Перестань, да одумайся лучше, что говорить? за другое я не ручаюсь, а воромъ еще не бывалъ.

ЛЕО.

ЛЕОНОРА.

Ну полножѣ переспань врашь! ошдай мнѣ мой хлѣбѣ.

ПЕДРО.

Я побожисья гошовѣ, что никакого хлѣба не биралѣ.

ЛЕОНОРА.

Ежелибѣ вѣсѣмѣ ворамѣ клятвою отѣ висѣлицы избавляшсья было можно, шо бы никшо полѣшенѣ не - былѣ.

ПЕДРО.

Я честь мою прошивѣ ешого спавлю.

ЛЕОНОРА.

А сколько вѣ тебѣ чести? пы вишь ужѣ много разѣ приличонѣ; да подай скорѣе хлѣбѣ мой мошенникѣ!

[Вынимаетъ у него изъ кармана хлѣбѣ, а онѣ держитъ его, и такѣ она разломилъ пополамѣ, и каждой спой кусокѣ положила въ карманѣ. Леонора увидѣла Изабеллу ежала руками и хочетъ поновѣ бѣжать.]

ИЗАБЕЛЛА.

Слушай Леонора, я имѣю сѣ шобой нужду поговорить.

ЛЕОНОРА.

Ахѣ сударыня! я сгорѣла отѣ стыда.

ИЗАБЕЛЛА.

Дома ли господѣ твои Леонора?

ЛЕОНОРА.

Дома сударыня: я хотѣла было шеколадѣ для нихѣ приготовить, а ешомѣ бездѣльникѣ Педро захватилѣ нѣсколько пликковѣ шеколаду кѣ себѣ вѣ карманѣ, такѣ я у него шеперь вынула.

ИЗА-

ИЗАБЕЛЛА.

Исправивъ господѣ ваши, что такихъ вѣрныхъ слугъ у себя имѣюшъ, которые бдѣлишъ ихъ такъ прикрывать и тайны могущъ; одѣжъ, когда уже обстоятельство ихъ всему свѣту извѣстны; а къ мужъ и вы теперь себя обличили, то нѣчемъ ужъ вить поправить.

[*Леонора плачетъ*]

Но плачь другъ мой, вамъ бѣднымъ еще помочь можно, ты можешъ быть знаешь, что братъ мой Гонзало въ барышникъ вашу влюбленъ.

ЛЕОНОРА.

Ахъ судариня! я очень это знаю, однакожъ не для того говорюшъ; я слышала что госпожа наша тому удивлялась, что Гонзало взялъ такія высокія мысли, и опьянился на дочь ихъ взоръ свой бросилъ, и притомъ съ ихъ споль знаменнымъ домомъ въ семейство вступишъ. Донна Марія, сколько я примѣтила, довольно склонна будучи, выговорила слово въ пресудетли своихъ родителей, что разность не очень между вами велика; опъ чего они чрезвычайно разнѣвались, и съ тѣхъ поръ спала она мнѣ и держалась и уже очень строго ея содержатъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Это мнѣ очень пріятно слушать?

ЛЕОНОРА.

Мнѣ шепотомъ того очень жаль; для того что это предарокъ души! если бы меня слезы ея не удерживали, то бы я уже давно опъ нихъ опомла.

ИЗАБЕЛЛА.

Ты не поняла, что я сказала Леонора! я говорю: мнѣ пріятно слушать, что она склонна къ брату моему, а это обнадѣживаетъ меня, что намѣреніе сдѣлаться можешъ, если только ты мнѣ можешъ; а что конечно безъ награжденія не будешь.

ЛЕО:

ЛЕОНОРА.

Я въ повелѣнiяхъ вашихъ, и ежели обманы въ чемъ помочь могутъ, могу вамъ тѣмъ служить, сколько угодно; однакожъ всего лучше, когда вы сами имъ поговорите: можетъ быть спесь ихъ сколько нибудь и убавится, ежели изволите сударыня! чрезъ полчаса ихъ посѣтить, то я доведу до того, что вы ихъ увидите можете.

ЯВЛЕНIЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣжъ и Гонзало.

ИЗАБЕЛЛА.

Вотъ братъ мой, Леонора! онъ всю свою надежду на тебя полагаетъ; постарайся какъ нибудь въ любви его помочь.

ГОНЗАЛО.

Будь увѣрена другъ мой, что я конечно не премину тебя отслужить.

ЛЕОНОРА.

Государь мой! вы можете слабымъ умишленнымъ моимъ повелѣвать.

ПЕДРО.

А моею и всею головою.

ГОНЗАЛО.

Да скажите мнѣ: не худо ли ешо; ежели и да Донну Марію вашу спану свашаться.

ЛЕОНОРА.

Вчера ешого дѣлать было не лзя, а сего дни зрѣлико можно будетъ.

ГОНЗАЛО.

А для чегожъ не вчера, а сегодня спало можно?

ЛЕО-

ЛЕОНОРА.

Для того, что вчера было еще столько припасу, сколько къ обѣду похребно, и пока ещо есмь, то всегда ошказнаго опѣшу наѣвшись должно, а сегодни у насъ уже ничего нѣтъ, чѣмъ бы пропитаться, кромѣ дѣлъ предковъ ихъ, и пошому, можеть быть, они сколько нибудь склонятся.

ПЕДРО.

Я думаю, что нигдѣ нѣтъ такихъ честныхъ мышей, какъ въ нашемъ домѣ; и я ручаюсь въ томъ, что хопи бы въ споловой герницѣ и во все дверей не заворить, то конечно все цѣло будеть, даромъ что нѣчего ѣсть.

ТОНЗАЛО.

Истинно жалко слушать.

ЛЕОНОРА.

Ешотъ одинъ способъ, чѣмъ ихъ надежда естъ усмирить; здѣсь также надобно, какъ и при осадѣ крѣпости поступать, для того, что когда другаго способа нѣтъ, то надобно голодомъ выморить.

ПЕДРО.

Леонора довольно знаетъ, какъ крѣпости берутъ, пошому что она на Голландской войнѣ въ походъ сама была во употреблений.

ТОНЗАЛО.

Ну! добро Педро, полно шабъ извѣстельно шупить.

ЛЕОНОРА.

На его шупки не насердишся, у него и господамъ мало спуску живеть.

ПЕДРО.

Ещо правда; надобно видѣть какія нибудь вольности въ домѣ имѣть, гдѣ шолько изъ одного великодушія, а не изъ жалованья служишь. Я говорю имъ часно правду въ глаза, когда они одни дома, а при гостяхъ наблюдаю всегда почтение и должность.

ТОНЗАЛО.

Да не бываетъ ли имъ то когда прошивно?

ИИДРО.

О! нѣтъ; они все себѣ въ честь приписываютъ; когда имъ вѣсть нѣчего, то сказываютъ они, что томъ день хоняшъ пошннхъ; ешо благородно. Буде воду вмѣсто вина пьютъ, то вочипаюшъ себя попомгами ошъ пошпу, что въ то время кромѣ воды ничего не было, ешо также благородно. Когда господинъ разодранные башмаки носилъ, то ешо и рочно, будто ошъ подагры, и ешо благородно. Госпожѣ, ежели за недосыпкомъ плащя въ церковь иппи не лзя, такъ она скажетъ, что дома молихъ спанешъ, для того, что ешо благородно; а наконецъ, ежели я имъ нимагой чѣстнаго называть не спану, то называютъ меня придворнымъ своимъ шушомъ, такъ ешо ужъ и всего благороднѣе.

ТОНЗАЛО.

Постарайшесь же, чтобы дѣло мое въ концу привесъ, чѣмъ и вы щасливѣе бытъ можете.

ЛЕОНОРА.

О всемъ попеченіи сомнѣваться не извольте, а припомъ можете надѣяться на доброе начало, ибо сердце Донны Маріи на вашей сторонѣ.

ТОНЗАЛО.

Да что въ томъ прибыли, когда они еще въ прежней гордости?

ЛЕОНОРА.

Надобно прежде вашей сестрицѣ о томъ имъ представить, а буде не удастся, то другого способа искать станемъ: мы можемъ безъ всякаго она ени налѣ ними шулку сдѣлать. потому что весь городъ ихъ ненавидитъ за неспосную гордость. Всякъ спашетъ

непѣ радоваться, ежели дочь ихъ выдана будетъ;
извольте ипши и успокойте свои мысли; а о про-
чемъ оставьте намъ стараться.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Леонора и Педро.

ЛЕОНОРА.

Педро, я не требую отъ тебя при этомъ дѣла
ничего иного, кромѣ молчаливости.

ПЕДРО.

Да, я могу и добрымъ совѣщамъ помочь.

ЛЕОНОРА.

А какой доброй совѣщью можешь ты дать?

ПЕДРО.

Увидишь! вѣдь не лзя добраго - то совѣща изъ
за пазухи выдернувъ, надобно время мнѣ подумать;
да я ужъ почти и вздумалъ нѣчто.

ЛЕОНОРА.

Ну! а чтожъ такое ты вздумалъ?

ПЕДРО.

Я ничего не вздумалъ, а думаю только объ
одной вещи, а именно: когда мы акбонниковъ на-
шихъ счастливыми сдѣлаемъ; то надобно будетъ
намъ къ господину Гонзалу въ службу ипши.

ЛЕОНОРА.

Всего лучше, ежели ты останешься при этомъ
своемъ мнѣніи одинъ, о прочемъ стараться дашь
волю. Я ужъ буду думать, что надобно, а отъ
тебя не требую ничего иного, какъ только, чтобъ
ты молчалъ, и не подаль бы причины Гусману, Папу
нашему, о томъ догадаться.

ПЕДРО.

Удивительно это, чтобъ женщины мужчинамъ
о молчаливости предписывали; знаешь ли ты, что

Б 2

нѣко

нѣкоторой Философѣ о женщинахъ сказалъ: онѣ говорятъ: вотъ на! на эту пору и не вспомнишь.

ЛЕОНОРА.

Онѣ говорятъ, что-то едакая штука, какъ ты, за философскія книги, чего не разумѣешь, не хватался; а впрочемъ, чтобы онѣ о женщинахъ не зрала, все еще паляшу; сколькожъ я знаю, по лучшимъ мужскимъ тайностямъ за рѣдкою виною наружу выходящихъ, и для того по моему мнѣнію не должно такого, кто пьянству подверженъ, въ важныя чины употреблять, гдѣ молчаливость потребна. Тайности однимъ женщинамъ вѣривать должно, для того, что они пить не любятъ.

ПЕДРО.

Да и то правда, что имѣютъ нѣкоторые тайности бывающія вѣрены. Ба! да вотъ Гусманъ идетъ, полно о томъ говорить.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣжъ и Гусманъ.

ГУСМАНЪ.

Церковь съ вами, вы здѣсь спокучи болтаете, а господа васъ ужъ прижиды кликали. Леонора! когда бывало захочется мнѣ съ тобою слово молвить, по тебѣ и время нѣтъ, а теперь вотъ съ этою подлою тварью хожу цѣлой часъ стоявъ да болтавъ такъ готова.

ПЕДРО.

Правда, что ты человекъ очень знающій Гусманъ! еще и по ливреѣ своей видно.

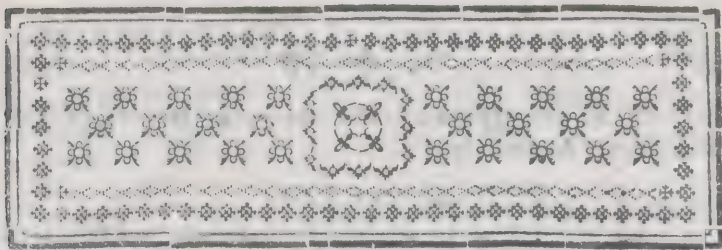
ГУСМАНЪ.

Добро, ступай домой, да не ври.

КОНЕЦЪ

ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Донъ Ранудо, Донна Олимпія, Педро.

Д. РАНУДО.

 Нѣтъ Донна Олимпія, етошъ первой у насъ въ фамиліи былъ; я покажу тебѣ въ нашей родословной такою Колибраса, которой еще за 50 лѣтъ до Арапскаго въ Испанію прихода жилъ; мы гораздо благороднѣе, нежели ты думаешь.

Д. ОЛИМПІЯ.

Статное ли дѣло Донъ Ранудо? да покажи мнѣ еще пожалуй!

ДОНЪ РАНУДО.

[показываетъ ей книгу разпернутую]

На! смотри! вотъ, етошъ ли? А кто они? Де Колибрасъ былъ вѣтъ гораздо прежде!

ДОННА ОЛИМПІЯ.

Етого бы я за миліонъ не уступила; я думала, что замужствомъ своимъ нѣсколько унизила, а свою фамилію могу я по пальцамъ разсказать ошъ самаго

Б 3 Юліано

Юліано Демоншерико, даже до отца моего Ранудо Мелхіора, Демоншерико.

Д. РАНУДО.

Очень хорошо Д. Олимпія, что ты такъ твердо помнишь, для того, что это лучшее наше сокровище.

ПЕДРО.

Я думаю, милостивой государь! что это только одно и есть; а что въ домѣ ни същется, то врядъ на гривну наберешь ли, ежели въ отънку придешь.

Д. РАНУДО.

То даромъ Педро; имя мое и родословіе предковъ моихъ, довольно для меня богатства, когда я это читаю и вижу дѣла предковъ моихъ, но я такъ слышъ, какъ на какомъ собраніи.

ПЕДРО.

Да! такъ. я вижу! оиѣ чего вы, милостивая государыня, такъ мало о кушаньѣ думаетъ изволите? у кого дюжины пять шесть едакихъ Колибрасовъ въ желудкѣ, у того мало мѣста для другой пищи останется. Когда бываю услышу я, что у васъ въ брюхѣ ворчишъ, то думалъ, что это непременно древніе Колибрасовы; пошму что старинные герои и по смерти своей всегда вокшиѣ. Напротивъ того, когда у меня по брюху ворчишъ, то это знаѣ, что ѣсть хочешь; оди коиѣ мое советѣмъ иное дѣло; пошому что я самой подаой желудокъ имѣю, и для того должно мнѣ что ѣбуй да ѣшь, а безъ того я какъ вамъ, такъ и милостивой государынѣ больше служить не въ состояній.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ужасно испинно съ такими подлыми людьми! я думаю, что они изъ какой нибудь другой манеры и
сотво-

сочворены и не шая дѣши имѣишѣ, какѣ ми благородныи. У нихѣ только и въ мысляхѣ, чтошѣ имѣишѣ нибудѣ брюхо наполнить. Скажишѣ мнѣ, Донѣ Ранудо! можно ли едакимѣ подлымѣ людямѣ бышѣ въ раю!

ДОНѢ РАНУДО.

Да! я думаю, что они нѣкошорымѣ образомѣ могутѣ бышѣ въ раю, да только не въ такомѣ мѣстѣ, какѣ мы; потому что сколь много разности между благородными и подлыми; такѣ напрошивѣ шего разности ешѣ между подлыми и несмысленными скотами. Я не могу сказать, чтошѣ имѣишѣ вошѣ въ раю бышѣ не можно было, а однакожѣ какѣ они такихѣ же глупыхѣ мыслей, какѣ и скоты, шо не знаю, лаяли имѣишѣ въ томѣ надежду.

ПЕДРО.

Извольте посмотришѣ, милосливой государь! какова моя ливрея.

Д. РАНУДО.

Да! ешо благородная ливрея.

ПЕДРО.

Не только благородная, даещѣ и свѣтлѣйшая ливрея, однако по ней видно, что у насѣ только одно шо ешѣ, что васѣ на шомѣ свѣтѣ ушѣишѣ можешѣ: а здѣсь со всею вашею свѣтлостію, кромѣ голоду да бѣдности, ничего нѣшѣ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Педро! тебѣ ошоминишѣя должно, кто ты; и сѣ кѣишѣ говоришѣ! мнѣ гажѣишѣ ты забылся.

ПЕДРО.

Смѣлость говоришѣ одна только! и ешѣ милость, кошорую я здѣсь въ домѣ имѣю, милосливая государыня; а больше вишѣ вы ничего мнѣ не жалуетѣ

ше; ежели жъ и вольносьнъ шю отъ меня отнятъ, то я смѣю могу сказать, что я изъ одного того великодушнѣй служу. Буде жъ вы что изволите мнѣ дать, что въ другихъ дѣлахъ служившии получаюшъ, то спяну и я наблюдаюшъ такое жъ почтеніе, какъ и прочіе лакеи господамъ своимъ дѣлаюшъ.

Д. РАНУДО.

Не замай его Донна Олимпія! Короли и Князѣ сносятъ едакія шутки отъ своихъ шутовскихъ людей, конхъ употребляютъ они для проводанія времени. Намъ также надобно себя въ немъ случаѣ показати, что мы благородные люди. Пожалуй говори Педро все, что ты хочешь, когда мы они, лишь только при постороннихъ наблюдай почтеніе.

ПЕДРО.

Честіи и знатности Вашего Высочодія, кажется мнѣ, на семъ свѣтѣ деревомъ, на которомъ лишь только худые плоды растутъ, да еще и разные: на нѣкоторыхъ сучьяхъ растутъ спесь или гордость, на другихъ опять голодъ и холодъ, а на томъ сѣишъ а ось либо что нибудь иное будетъ.

Д. РАНУДО.

Ты очень просишь Педро! такіе благородные люди, какъ мы, не бѣдны, и они называются вишь . . .

ш. е. богатые люди.

ПЕДРО.

Правда, что они называются богатыми людьми, такъ какъ лицемѣры божіими слугами, пошому, что лицемѣры сами праведны и богобоязливы, сколь ишъ богаты; слышь богатымъ вишь только лишь по имени; а что по имени богатъ, шому дѣйствительно богатому никакъ бышь не лзя.

Д. РА.

Д. РАНУДО.

О чемъ ты думаешь Донна Олимпія? ты нѣ-
что въ глубокихъ мысляхъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Я думаю, отъ чего это сдѣлалось, что вчера-
ни одинъ спиховворецъ не приходилъ къ намъ по-
здравишь съ именинниками?

ПЕДРО.

Ха: ха: ха: вы нашихъ спиховворцовъ хоро-
шенько знать не изволише, милоспивая государыня!
Конечно въ домъ намъ ни одинъ изъ нихъ больше
не заглядывалъ, для того что здѣсь нѣтъ уже того
магнѣща, которой это желѣзо прищипываетъ. Если
вы изволише и въ свой пипулъ и всю родословную
надъ воробьями большъими перьями приказавъ написать,
а сдѣлать нашъ поряной, поставивъ хоть одно блюдо
жаренаго или пирога у себя передъ воробьями, то
пипча въ увидитъ, которой магнѣщъ сильнѣе бу-
детъ. Я знаю всѣхъ почти здѣсь въ городъ; и еже-
ли бы я одного только изъ нихъ обѣдать позвалъ,
то бы отъ сдѣлалъ мнѣ родословную, въ которой
довелъ бы, что я происхождение мое отъ Царя Са-
ула имѣю; все то утвердилъ бы спихами своими,
что я гораздо благороднѣе, нежели Ваше Высокородіе.

Д. ОЛИМПІЯ.

Смѣшно право мнѣ, Педро, надъ тобою! Велика
бы то была честь, что спиховворецъ тебѣ напи-
шетъ, и отъ Царя Саула родъ твой поведетъ,
випъ шѣмъ отъ себя сдѣлаетъ Жидовиномъ.

ПЕДРО.

Какъ бы да не такъ, развѣ Царь Саул . . .
Я Царя Саула довольно знаю; да какъ бы въ ни из-
волила думать. Хотя я и не ученъ; а что до
спиховворцовъ надлежитъ, то не спрашиваютъ они,
В 5 кому

кому похвалы пишушѣ. Достойнѣ ли оубъ того или нѣшѣ; да смощринѣ лишь только, хорошо ли за то плащяшѣ. Какъ скоро увидяшѣ они деньги, то повелѣшѣ ихъ не знаю какой духъ на самую верхушкѣ у Аполлона или Геликона, какъ они то называюшѣ; и тамъ придутѣ топчащѣ къ какимъ то стихотворческимъ духамъ, тамъ, чпо сѣзади и сѣпереди у нихъ стихи валяющѣ. А буде не видяшѣ денегъ, то не видяшѣ и добродѣтели или похвальныхъ дѣлъ ни кѣ-волошѣ; и во всемъ дѣлѣ у нихъ ни одной речмы не найдешѣ; хощь разрѣзавши внутреннюю перенци. Ешто мнѣ можно злавѣ пошому, чпо я самъ нѣкопрымъ образомъ стихотворецъ, и могу больше шески челошѣ прѣшощѣ въ родъ своимъ счесшѣ, кои всѣ тамъ же бездѣльники были.

Г. РАНУДО.

По етому ты еще не можешъ называшѣ стихотворцемъ, когда лишь только въ родъ нѣвѣшѣ ихъ нѣсколько было; а самъ не стихотворецъ.

ПЕДРО.

Конечно можно; тамъ по етому и вы не благородные люди, хощя въ своей фамилии и много великихъ людей счесшѣ можете: и когда тошѣ только стихотворцемъ называшѣ долженъ, кто самъ стихи дѣлашѣ, то должно и благороднымъ называшѣ пому, кто самъ великія и славныя дѣла дѣлашѣ.

Д. РОНУДО.

Нѣшѣ, Педро! благородносшѣ по природѣ прихощшѣ.

ПЕДРО.

И Поезія также вишь говоршѣ, чпо и Поешшѣ родяшѣ.

Д. РАНУДО.

То тамъ! однакожъ совѣшѣ инымъ образомъ.

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣжъ и Леонора.

ЛЕОНОРА.

Изабелла Гонзалого сестра желаетъ Ваше Высочество видѣть.

Д. ОЛИМПІЯ.

Прости, чтобъ она пожаловала на часокъ въ другую горницу подождать, чтобъ намъ насколько убраться и приличнымъ образомъ дать ей себя видѣть, а между тѣмъ дай мнѣ на голову уборъ поскорѣе, да зеркало.

Д. РАНУДО.

Принеси мнѣ бархатной мой кафтанъ, Педро!

ПЕДРО.

Да! въ изодранномъ - на чулкахъ, еще очень христанетъ.

Д. РАНУДО.

Развѣ видны дыры на чулкахъ - то.

ПЕДРО.

Нѣтъ! только съ пять - шесть.

Д. РАНУДО.

Возьми немножко чернилъ, Педро! да замажь дыры, такъ и не будетъ видно.

ПЕДРО.

Я спасенъ, милосердной государь! что и цѣлой чернилицы не достанетъ, для того, что дыръ - то очень много.

Д. РАНУДО.

Поди, да сдѣлай, что я тебѣ приказываю.

[Педро взялъ чернилицу и маргантъ чулки]

ПЕДРО.

ПЕДРО.

Да башмаки-та не прикажисьель помарать, вить и на нихъ очень много худаго видно.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ, это дурно будетъ, я могу сказать, что нарочно башмаки изодраны для подагры.

ПЕДРО.

Да изъ кафтана позади вырѣзано, знать на заплату; шакъ вить не лзя сказать будетъ, что будшо это ошъ курицей слѣпота.

Д. РАНУДО.

Люблю я иногда свои шулки, Педро! а иногда мнѣ ужъ и досадно: однакожъ нѣтъ ничего, лишь только при поспороннихъ наблюдай почтеніе, а о кафтанѣ не шужи: я ужъ сдѣлаю шакъ, что умения ни кто спины не увидитъ.

ПЕДРО.

Мнѣ кажется лучше было бы, ежели бы мы ешомъ полубархатной кафтанъ продали а на шъ деньги цѣлое платье суконное достали.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ, Педро, по бархатному кафтану видно, что я высокое сердце и благородную душу имѣю, хотя и не богатъ; на прошивъ того, ежели бы я въ простомъ суконномъ платьѣ ходилъ; то спали бы люди меня за простаго мѣщанина почишавъ, идибъ подумали, что я не имѣю доброй души и для того ишу я хотя не богатое; однакожъ благородное платье: одѣлась ли ты Д. Олимпія?

Д. ОЛИМПІЯ.

[нарядясь]

Совѣтъмъ готова Д. Ранудо.

Д. РА-

Д. РАНУДО.

Ты такъ разрядилася, что иной и кокеткой себя назоветъ.

ПЕДРО.

Однако жъ назади по богатѣльня наша очень видна.

Д. ОЛИМПІЯ.

[Леоноръ]

Проси сюда госпожу Изабеллу.

{ Леонора выходитъ послѣ пшести Изабеллу; а Педро становится за стуломъ у Д. Ранудо пѣ большихъ }
{ очкахъ по Португальскому манеру. }

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Д. Ранудо, Д. Олимпія, Изабелла и Педро.

[Д. Олимпія сидитъ пѣ препелиныхъ креслахъ Испанскомъ грандеси копиретъ пѣ зухахъ, Д. Ранудо тожъ дѣлаетъ пѣ вхоуъ Изабеллы приподнялся не много, пока ей стулъ подавали, однако жъ садится опять прежде ея, Педро препеликимъ опахломъ взмахиваетъ ихъ.]

ИЗАБЕЛЛА.

Ско миллионовъ разъ прошу о прощеніи, что я отважилась принять смѣлость васъ, милостивая государыня! сего дни опягопишь моимъ посѣщеніемъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Вы намъ не въ шягость, сударыня, мы привыкли ужъ всякой день отъ утра до вечера визиты принимаемъ. Я думаю, что мы сего дни больше осьми знавшихъ визитовъ имѣли; не можешь ли вы Д. Ранудо вспомнить, кто такіе сегодня у насъ были.

Д. РАНУДО.

Никакъ не лзя; въ нашемъ домѣ столько пріѣзду какъ во дворцѣ. Педро! не можешь ли ты пересказать, кто намъ сего дни визитъ сдѣлалъ?

ПЕДРО.

ПЕДРО.

[*Поправляетъ очки и читаетъ въ записной книжѣ своей*]

Здѣсь были сего дни Кондехъ Демонипедора, Маркизъ Фердинандо, Делеонигро съ Маризою, свою супругою, Д. Себестиянъ, Десракехъ, Доро, и Герцогъ Деша, Казотъ съ Герцогинею; а послѣ Маркизъ, Фердинандо, Гонзало, Филиппо, Карлдинго, Сабастіано, Фемарель, Арифекшальдъ съ супругою.

[*Такъ смотрителямъ*]

У послѣдняго то знать не одинъ оицеъ былъ; для того, что очень много у него именъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Вотъ слышите, сударыня, сколько мы сего дни визиновъ имѣи; вы не прогнѣвайтесь на меня, что я сидя въ зубахъ чищу, мы вотъ теперь лишь только кашуна ѣли, а ещо мясо всегда зубамъ моимъ дѣлаетъ шягость.

ИЗАВЕЛЛА.

Милостивая государыня! вы можете вольность вашу всегда употреблять; я сего дни имѣю честь вамъ поклонъ мой отдавать по прозвѣ одному человеку, которой просилъ меня, чтобъ я исходатайствовала ему благосклонность Вашего Высочества.

Д. ОЛИМПІЯ.

Мы оба почтѣемъ по себѣ за удовольствіе, чтобъ всѣмъ честнымъ людямъ чѣмъ нигудъ служить: можетъ быть намѣренъ онъ въ Мадридъ ѣхать, и хочетъ рекомендаціи отъ насъ къ кому нибудь. А кто ещѣ, о которомъ вы говорите?

ИЗАВЕЛЛА.

Ещо братъ мой Гонзало: о ѣмъ имѣетъ великую любовь къ дочери вашей и желаетъ на ней жениться.

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

Я и мужъ мой, сударыня, имѣмъ у васъ и
у брашу вашему столько почтенія, сколько соспо-
лнѣ наше допустить; однакожъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я очень знаю, что вы говорите изволите, ми-
лостивая государыня! Ваша фамилія старѣ нашей, а
еще не равносиль не допускаетъ васъ у васъ по-
тому; одна-
кожъ не можешь ли тымъ сравниться, когда мы до-
сто-
токъ свой пропихивъ вашего поставимъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

О сударыня! намъ все не о пожиткахъ слово: я
снесу лучше крайнюю бѣдность, нежели допустить
себя до того, чтобы фамиліи нашей въ позоръ или
въ нареканіе было: я покажу вамъ нашу радостливую,
то увидите, сколь оно дѣло не возможное. Я какъ
теперь помню послѣднія слова покойнаго родителя
моего. что не оставлю тебѣ доспаши. дочь! говорилъ
онъ, однакожъ много чести и высокую природу, бой-
ся Бога, помни предковъ, и учри лучше въ дѣлахъ
въ бѣдности, нежели сдѣлай какое н пошеніе нашей
фамиліи, съ сими словами онъ скончался.

ИЗАБЕЛЛА.

Есть самое христіанское наставленіе, дочери
своей совѣтовать, какъ должно спесивѣ быть, да
еще и при самомъ концѣ жизни своей.

Д. ОЛИМПІЯ.

Нѣтъ, сударыня! онъ мнѣ не гордость, а благо-
родную амбицію имѣть совѣтовалъ. Я по совѣту
его и послушила, вышла за мужъ въ самую знатнѣй-
шую фамилію.

ИЗАБЕЛЛА.

Извольте разсудить, Ваше Высочордіе, сколь жа-
ло оно, когда благородные люди не имѣютъ спо-
лнѣ

ко доспашу, чѣмъ бы по достоинству своему себя содержать могли, кромѣ того, что онъ бѣдѣеши перияшъ великую нужду, да еще и въ посмѣяніи у всѣхъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Повѣрьте мнѣ, сударыня! что я ни одной лишеры изъ пивоей родословной за лучшую вопчину не опдамъ.

Д. РАНУДО.

Вотъ прямо по герейски сказано, Донна Олимпія! Что должно золотыми липерами написано бытъ: ни одной лишеры за лучшую вопчину не опдамъ.

[Педро повторяетъ сказанное и записываетъ въ свою книжку]

ИЗАБЕЛЛА.

Да дочь ваша тѣмъ ничего благородства не потеряетъ.

Д. РАНУДО.

О, сударыня! намъ больше объ етомъ знать должно; вишь весь свѣтъ знаетъ, кака великая разность между фамиліями вашею и нашею?

ИЗАБЕЛЛА.

Однакожь вишь многіе чрезъ нашу фамилію съ вашею фамиліею посеюлисъ.

Д. РАНУДО.

Хотя бы весь свѣтъ то дѣлалъ, да не Д. Ранудо Де-Колибрадо.

[Педро повторяетъ и пишетъ въ книжку Д. Ранудовы слова]

ИЗАБЕЛЛА.

Я довольно знаю, что многіе народы нашу Испанскую націю за гордость презираютъ.

Д. РА.

Д. РАНУДО.

Не говорише ешого, сударыня, естъ націи, въ которыхъ знаніи фамиліи еще больше имѣютъ амбиціи: въ Индіи естъ люди, которые называютъ Найрамъ, они всегда умываютъ руки, ежели до кого другого допронунся; иногда имъ куда инии надобно, но прежде публикуютъ, чѣмъ нѣкому къ нимъ близко не подходитъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Вотъ самыя таковскіе люди, что только въ примѣръ сдѣлаешь; я вижу, что напрасно прилагаю мое снѣжаніе. Вреда мнѣ въ томъ не много, ежели и опказой опившій получу, да сожалѣю больше о вашемъ худомъ состояніи и бѣдности, въ чемъ вамъ, какъ я вижу, для гордости вашей тяжело помочь.

Д. ОЛИМПІЯ.

Перестаньте сударыня попреками своими досаждать, кто опваживается на это, тому конечно худо бытъ можетъ, что одна только напраслина, и опъ заоси про насъ говорятъ, будто мы бѣдны; вѣдь еще томъ не во-все бѣденъ, у кого наличныхъ денегъ въ домъ нѣтъ, очень часто бываетъ, что когда отданы всѣ деньги вдругъ въ прецѣнты, а самому случится нужда; но иногда и занятъ приденъ надобно, повѣрьте сударыня, что мы не бѣдны, лихіе люди только это про насъ говорятъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я не попрекаю никому въ бѣдности, а для того только сюда пришла, чѣмъ сдѣлать вамъ какое предложеніе, опъ котораго опказать вамъ, кажется мнѣ, всѣ обшюпательства запрашающъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Мы состояніемъ своимъ очень довольны.

ИЗАВЕЛЛА.

Когда вы довольны своимъ состояніемъ, такъ мнѣ ничего больше говорить, однакожъ я совѣую вамъ лучше одуматься, когда придутъ должники, въ чемъ я не увѣрена, и опѣйму все послѣднее, такъ не будешь ли вамъ то досадно, а при этомъ и опѣй акдеи не безъ стыда, что въ столь полезномъ себѣ отказали.

Д. ОЛИМПІЯ.

Какъ бы украшены рѣчи ни были, сударыня, и сколь полезно вамъ въ ваше намѣреніе для насъ ни кажутся; однакожъ не можете вы ни меня, ни мужа моего къ тому уговорить.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ, сударыня, повѣрите мнѣ, что это дѣло совѣмъ не къ спашу.

ИЗАВЕЛЛА.

Жаль мнѣ очень, что я ешу комиссію на себя взяла.

Д. ОЛИМПІЯ.

Мы право на васъ за это не досадуемъ: вы не виноваты, что для брата старались, да и на него пенять нельзя, пошому, что любовь приводитъ человека къ великой дерзости: однакожъ какъ сказано; дѣло это такое, которому совѣмъ не возможно спастись.

ИЗАВЕЛЛА.

Такъ я прошу прощенія.

[пастетъ]

Д. РАНУДО.

Слуга вашъ, сударыня, ежели мы чѣмъ вамъ служить можемъ, прошу приказашъ, а что до шребованія вашего надлежитъ, то вы разудя сами увидите, что совѣмъ не къ спашу.

[Изаветла стхотитъ, а они не много приподнялись пѣхрѣслахъ, Леонора пропозаетъ ея до двери]

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Леонора, Д. Ранудо, Д. Олимпія и Педро.

ЛЕОНОРА.

Госпожа Изабелла приказала вашему Высочеству покорнѣйшій поклонъ отдать, и приказала промѣнить, чтобъ еяшнѣ кошелекъ съ деньгами благосклонно приняты изволили. Я было и взялъ его не хотѣла, однакожъ она мнѣ насильно въ руку положила.

Д. ОЛИМПІЯ.

Еще бездѣлица думаешь, развѣ ешо мы нищія. Поди шовѣ часѣ, и брось ей назадъ въ глаза; за ешо непременно должна она наказана быть. Слыхалала ешо дерзосшь! подлая баба хочѣтъ милоспынно давать мой, у которой прабабушка оказала за мужъ иппи за Д. Алфонза Дербера.

{ Леонора бѣжитъ понѣ съ кошелькомъ, и пришла }
{ опять, Педро притворился сердитымъ, и Иза- }
{ белла говоритъ по перемѣнкамъ съ господами. }

ПЕДРО.

[тихо хѣ смотрителямъ]

И которая правнучкѣ своей въ наслѣдство оставила два превеликихъ сундука полные, одинъ гордо-сти а другой бѣаноси.

Д. РАНУДО.

Она хочѣтъ милоспынно давать Колибралосу, которого предки еяшнѣ великия Государству услуги дѣлавали.

ПЕДРО.

[тихо]

А потомки его цѣлой день въ зубахъ ковыряющѣ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Чѣмъ предки нищитѣ милоспынно ничѣмъ инымъ какъ золопомъ и дорогими каменьями давали?

В 2

ЛЕОНОРА.

* * *

ЛЕОНОРА.

[тихо]

А потомки ничего не дають; для того, что и самимъ есть нѣчего.

Д. ГАНУДО.

Чьи предки храбростию и великими своими дѣлами въ великую знаменитость вошли?

ПЕДРО.

[тихо]

А потомки за ихъ главную спесь изъ числа фамилии ихъ выкинуты быть должны.

Д. ГАНУДО.

Кто по прямой линіи происходитъ отъ Дона Посперо де Колибраса, который на башахъ при Бургосѣ четыреста своею рукою араповъ побилъ.

ПЕДРО.

[тихо]

А потомство славнаго Колибраса всякой день съ похвалою живописныхъ ноггями своими побиваетъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Что бы сказалъ прапрадѣдъ мой Д. Ульоа де Монтерико, когда бы онъ всталъ изъ гроба, и что увидѣлъ?

ЛЕОНОРА.

[тихо]

Онъ сказалъ бы, возьми деньги то дурица, да купи себѣ какой нибудь лоскутъ, и сдѣлай вставку назади въ юбку.

Д. ГАНУДО.

Чтобы на что сказалъ Д. Антонио де Колибрасъ, ежели бы онъ всталъ изъ мертвыхъ?

ПЕДРО.

Онъ сказалъ бы, дуракъ, сложи свою спесь, да поди работай, чтобы башмаки было на что купить.

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

Чтобы сказала Д. Аннонила мой сродственница? которая отреклась принять десяти тысяч червонных от двора за службу мужа ея.

ЛЕОНОРА.

[тихо]

Она бы сказала, я де от великодушія епо сдѣлала, для того что я и безъ того богата была, а нынѣ достойна посажена бывъ въ тюрьму за то, что презираю честию людей подарки, и хощу лучше съ голоду умереть.

Д. РАНУДО.

Чтобы сказалъ Д. Гусманъ де Колибрамо? которой епо тысячъ червонныхъ на строеніе шрехъ пирамидъ употребилъ.

ПЕДРО.

[тихо]

Онъ сказалъ бы; возможное ль епо дѣло что такой скардъ въ фамиліи нашей родился, которой лѣтностью своею и нерадѣніемъ до такой крайной бѣдности себя довелъ

Д. РАНУДО.

Однакожъ можетъ быть, она и съ простоты епо сдѣлала, и едакіе люди кажутся перестъ нами крестьянами, ежели бы я зналъ, что епо съ ругательства она сдѣлала, то бы я весь родъ ихъ искоренилъ, полно она точно съ простоты сдѣлала; и для того надобно мнѣ лишь только смѣяться. Не смѣшно ли епо Педро?

ПЕДРО.

Правда, что смѣшно ето; однакожъ я увѣряю васъ, что сколь ни бѣденъ я, а опивавался подарочной мнѣ недавно червонной отъ сожалѣнія Вашему Высокородію опдашь, что вы и приняли; Удивитель-

но правду сказать и то, что Ваше Высочество за то огорчились, что вамъ изъ христіанской любви помочь хошѣли.

Д. ОЛИМПІЯ.

Д. Ранудо, не лзя намъ больше сего нечестивца въ домъ держашъ своимъ; для того, что его шушки очень вредны.

ПЕДРО.

Позврите, милосердая го ударыня, что мнѣ не можешъ быть больше угожденія, такъ то, что вы меня со двора сошлете, для того, что я служу здѣсь вишь только изъ одной чести.

Д. РАНУДО.

Слушай Д. Олимпія, я говорилъ вишь тебѣ, что намъ не обходимо шумливаго человека въ домъ у себя имѣть надобно. Во всехъ своихъ шушкахъ онъ говоритъ правду, онъ въ томъ правъ, а вы за свою оплошность осужденія достойны, что не послали къ купцу взять на имя мое какой нибудь парчи себѣ на платье. Слушай Педро, когда къ слову шеперь спало, сходи ты къ купцу Сулану, и возьми у него на мое имя шпофу госпожѣ на платье.

ПЕДРО.

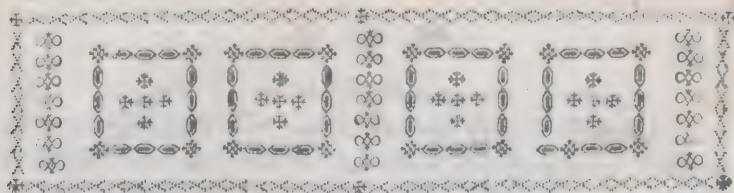
Сабину сударь; авосьлибо купецъ сего дни другаго мнѣнія, нежели вчера былъ.

КОНЕЦЪ

ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Д. Марія и Леонора.

Д. МАРІЯ.

Гордость родителей моихъ, Леонора, и бѣдность наша чрезвычайная приходящъ, а щастіе, они по одной спеи его презирающъ, и хотящъ лучше по миру ходишь; пускай бы ужъ кто подлой хотѣлъ на мнѣ женишься, такъ бы и неудивительно было, что ему оппказывающъ. А по дворянничъ да еще и довольно значной, а къ помужъ богачъ и очень добрыхъ свойствъ?

ЛЕОНОРА.

Вамъ грѣхъ будетъ, ежели вы въ епомъ дѣлѣ по волѣ родителей своихъ поступите; для того что они нелюбочесны, а больше безумны.

Д. МАРІЯ.

Любовь твоя довольно меня утѣряетъ, что ты все для меня сдѣлать не оппажешь, что въ твою силу, и для того я хочу совѣпамъ твоимъ слѣдовать.

[плачетъ]

ЛЕОНОРА.

Не плачте, сударыня, мы ужъ съищемъ способъ какой нибудь; нѣтъ шакой крѣпкой спѣны, которой бы я не разломала, ни замка, къ которому бы у меня ключа не было; изволь смѣло на меня надѣяться. Всѣо будетъ изрядно, я ужъ съ Гонзаловой сесипрою обо всемъ переговорила, и думаю, что намъ удастся, а буде не такъ, то и увести васъ не диковинка. Ба! да вотъ они идутъ, пойдемъ на часъ вонъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Донъ Ранудо, Донна Олимпія, Педро.

ДОНЪ РАНУДО.

Ну Педро, что сказалъ купецъ?

ПЕДРО.

Онъ на прямки мнѣ сказалъ: поклонись своимъ господамъ обманщикамъ, и скажи имъ, чтобъ они старые долги наперёдъ заплашили. Съ купцами нынѣ дурна шушка; когда что нибудь къ нимъ придетъ сважешь, то всегда у нихъ сдкое подчиванье.

ДОНЪ РАНУДО.

Естьли у тебя свидѣтели? какъ онъ это говорилъ.

ПЕДРО.

Да что и бѣда, что онъ не говорилъ, а такъ, какъ Турки въ Царѣградѣ дѣлають, знаками только мнѣ то показалъ, далъ мнѣ двѣ подпочины, сперва по ешой щекѣ, которое вмѣсто того, чтобъ сказать, поклонись своимъ господамъ, а послѣ вотъ по ешой, что значить обманщика, а потомъ схватилъ съ меня шляпу, то есть заплаши старой долгъ, а наконецъ изъ лавки вынулъ, которое, я думаю, значить то,

то, что ежели господи твои долги добровольно не заплащивъ, то я судомъ искашь буду; я самъ хощу и не умѣю едакими знаками говорить: однакожь когда люди ихъ употребляютъ, такъ я могу совершенно то разумѣть.

Д. ОЛИМПІЯ.

Куда какой бездѣльникъ! да полно много такихъ глупыхъ и несмысленныхъ людей заѣсъ въ городъ: они ни малѣйшаго почтенія къ благороднымъ людямъ не имѣютъ.

ПЕДРО.

Епо правда, Ваше Высокородіе, имѣ бы должно было за честь себѣ почищать, чпобъ ошѣ шакихъ знавшихъ господъ бытъ обманутыми.

Д. РАНУДО.

Ну добро, Педро, перестань пожалуй, поди на часъ вонъ, я хочу одинъ съ женою оспаться.

[Педро отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Донъ Ранудо, и Донна Олимпія.

ДОНЪ РАНУДО.

Донна Олимпія, что спанемъ мы сего дни ѣсть?

Д. ОЛИМПІЯ.

То, что вчера, да и всегда ѣли: первое кушанье будешь горохъ, другое горохъ будешь, а прешіе хощу горохъ же поставишь можемъ.

Д. РАНУДО.

Да намѣ не лзя долго едакъ прожить будетъ; я ужѣ въ такую пришелъ слабость, что на силу на ногахъ стоять могу.

и. б. б. б.

В 5

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

Ахъ! ежели бы и мнѣ не стыдно было работать, то бы я могла сколько нибудь на пропитаніе себѣ достать своими руками; голодъ намѣ несносенъ становился.

Д. РАНУДО.

Бѣдной крестьянинѣ теперь сидишь у насъ передъ воротами, и ѣшь съ великимъ аппетитомъ. Онъ бываетъ въ епомъ случаѣ щастливѣе насъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Щастливѣе насъ онъ быть не можетъ, потому что какъ бы онъ щастливъ ни былъ, однакожъ все-таки онъ не больше насъ крестьянинѣ. Жаль же мнѣ его бѣднаго, что онъ принужденъ на дворѣ сидѣть.

Д. РАНУДО.

А что хуже? на дворѣ ли сидѣть ѣсть, или въ горницѣ голодну быть?

Д. ОЛИМПІЯ.

Все дурно; хоня подаемъ по только прилично, однакожъ сколько нибудь пипаетъ, а другое благоднѣе да не напишаетъ.

Д. РАНУДО.

Позовемъ бѣднаго мужичка сюды, чтобъ онъ здѣсь сидѣя пообѣдалъ покойнѣе, а на дворѣ мучатъ его вѣпръ и солнце, мухи, люди и собаки.

Д. ОЛИМПІЯ.

Изрядно, позови его; лучше хочу крестьянина въ домъ своемъ видѣть, нежели незнашнаго дворянина; для того что крестьянинѣ почтетъ себѣ то за милость нашу, а дворянинѣ думать спанетъ, что ему и всегда можно съ нами мѣстничаться.

[Донъ Ранудо вышелъ, поводитъ крестьянина.]

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

*Донъ Ранудо , Донна Олимпія
и крестьянинъ.*

ДОНЪ РАНУДО.

Слушай мужичокъ , поди сюда съ своею сумкою.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я недостойнъ , милоспивый государь , въ едакой домъ вступать.

ДОНЪ РАНУДО.

Мы все люди , мнѣ жалко было видѣть то , что ты на дворѣ сидя обѣдаешь , вотъ сядь здѣсь на стулъ , такъ лучше можешь кусокъ твоей сѣсть.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Благодаренъ , милоспивый государь.

ДОНЪ РАНУДО.

Откуда ты ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

За четыре мили отсюда.

ДОНЪ РАНУДО.

За чѣмъ ты сюда въ городъ сего дни приходишь ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Приносилъ дыплятъ на рынокъ , да продалъ.

ДОНЪ РАНУДО.

Ежели у тебя есть хорошіе жирные каплуны ? такъ приноси ихъ впредь къ намъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

А дыплятъ не изволите ?

ДОНЪ

ДОНЪ РАНУДО.

Нѣтъ : къ цыпаятамъ мы неохотники , мы любимъ больше каплуновъ , да дичину , а другаго ни чего не ѣдимъ .

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Епо мнѣ очень дивно , потому что какъ вы , такъ и сожигальница ваша горело въ селѣ сухи .

[*потираютъ селя ова по лицу.*]

ДОНЪ РАНУДО.

Скажи мнѣ , другъ мой , какъ тебя зовутъ ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Меня зовутъ Жуанъ .

ДОНЪ РАНУДО.

Въ томъ ли домъ живешь ты , гдѣ отецъ твой жилъ ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Въ томъ же .

ДОНЪ РАНУДО.

Какъ звали отца твоего ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я право не помню , какъ его звали .

ДОНЪ РАНУДО.

Епо ужасно ! не помнишь какъ отца звали ; епо первое удовольствіе на свѣтѣ , чтобъ знать , какъ звали предковъ своихъ , и онъ кого кпо родился .

КРЕСТЬЯНИНЪ.

У насъ въ деревняхъ за удовольствіе ставятъ то , чтобъ видѣть хорошо ли земля вспахана , и родился ли хлѣбъ , чѣмъ бы прожить было , и чтобъ жены наши чаще дѣшей родили , а дѣши бы скорѣ росли , и намъ въ работѣ пособляли .

Д. РА-

Д. РАНУДО.

То изрядно, а мы знашные люди почитаемъ тебѣ за великую пиягость, у кого дѣшей много, для того, чпо чѣмъ больше дѣшей тѣмъ больше расходу.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

А у насъ напротивъ говоримся, что больше дѣшей то больше и приходу, чпо больше дворянъ, то больше иудейцовъ, а чпо больше креспьянъ, то больше работниковъ.

Д. РАНУДО

Епо правда, ты говоришь по Философски. Сколько лѣтъ ты женился?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Осьмнатцати лѣтъ.

ДОНЪ РАНУДО.

Епо нѣсколько раненько! мы знашные люди такъ молоди не женимся. У на ъ всегда ждуть лѣтъ до сорока, или до пѣпидесять, чпобъ быть въ состояніи такъ славно жить, какъ предки наши живали.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

А мы женимся, какъ придемъ въ состояніе умножать свѣтъ, и для того жены и дѣши намъ не въ пиягость, чпо больше рукъ въ домъ, то больше работниковъ, а когда много работниковъ, то много и пожизку въ домъ.

ДОНЪ РАНУДО.

Онъ говоритъ весьма разумно, Донна Олимпія, крестьянство въ епомъ случаѣ щасливо, да я думаю, что онъ того то крестьянскія дѣши здоровы и крѣпче нашихъ дѣшей, попому что они въ лучшей порѣ родинелей ихъ воспитаны бывають.

КРЕСТЬЯ-

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не погнѣвайся, милосердый государь! я думаю, что между нашей браться меньше людей съ ругами бызаетъ, нежели между господами, для того, что знатные господа, ханя ждущъ, пока въ пятьдесятъ лѣтъ придутъ, чтобъ быть въ состояніи довольствовать своихъ домашнихъ, а о женѣ думаюшъ очень мало, и поному разсужданъ надобно, что госпжи одною только пиццо доволь пивахся должны, которое у насъ въ деревняхъ за невѣроятное почитаеся.

Д. РАНУДО.

Ха, ха, ха! Какъ же весело слушать крестьянскія разсужденія! удивляюсь только очень, что ты черной хлѣбъ одинъ съ такимъ аппетитомъ ѣшь можешь.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

О! епо сырѣ да хлѣбъ мнѣ гораздо вкуснѣе, нежели господское кушанье лучшее, что можеть быть вкуснѣе для того, что желудокъ крестьянской къ етому привыкъ.

Д. РАНУДО.

Надобно намъ все въ свѣтъ испытать, дай же для любопытства сырупа опивѣдай, а осьлибо я могу кусочекъ съѣсть.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ахъ Донъ Ранудо! я думаю никакъ не льзя.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Извольте опивѣдай, сударь.

Д. РАНУДО.

Давай для одной только диковинки, ба! да вкусъ прѣва не очень дуренъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не изволише ль и вы сударыня кусокъ скушать?

Д. ОЛИМ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Давай . . . право изрядной вкусѣ, я еще едакъ и хорошенькой кусокѣ сѣбѣ могу.

Д. РАНУДО.

Ха, ха, ха! Я право и еще кусокѣ сѣбѣ, пре-великая диковинка, я никогда не думалъ, чѣмъ епо сдѣлать могъ, будетъ чѣмъ и внушаюмъ своимъ мнѣ рассказать, отръжка еще побольше кусокѣ Жуанѣ, да дай и хлѣба та своего хорошей ломтикѣ.

[Жуанѣ имѣ отръзалъ сыр и хлѣба, они ѣдятъ оба очень жадно]

Д. ОЛИМПІЯ.

Первая исторія у меня будетъ, какъ я ко дво-ру прѣду, что мы сѣ крестьяниномъ сырѣ и хлѣбѣ ѣли.

Д. РАНУДО.

Ха, ха, ха! Дайка еще кусокѣ Жуанѣ, я право по шѣхъ порѣ спану ѣсть, пока хочешся.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я не знаю, сударь; можешъ ли сырѣ мой по снести ежели я еще отръжу?

Д. РАНУДО.

Ха, ха ха! } *взялъ самъ сырѣ и отръзалъ поло-*
вину.

На, Смощри Жуанѣ, Видишь, чѣмъ ни я, ни же-на моя крестьянской пици не презираемъ.

[*крестьянинѣ спряталъ все вмѣсто и чешетъ голову.*]

Д. ОЛИМПІЯ.

Дай мнѣ еще кусокѣ! Я погляжу не можешъ ли дочь моя етого суроваго кушанья сѣбѣ, ха, ха, ха! Право епо очень мудро.

КРЕСТЬЯ-

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Послѣдняго куста, что Его Высочородіе отрубъ-
зашъ изволилъ, довольно будешь, не только всѣмъ
опивдаться, и до сыта набѣться можно.

Д. РАНУДО.

Ежели опять въ городъ будешь, то смѣло къ
намъ приходи.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Благодарственную Ваше Высочородіе, (тихо) паковъ
глушъ ужъ не буду, и сумки съ собою не принесу.

Д. РАНУДО.

Какъ придешь домой Жуанъ, то думаю я, что
ты милостію нашею хвалиться спанешь.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

И вѣдомо, сударь! А особливо ежели по мило-
сти своей мнѣ за сыръ и за хлѣбъ мой заплашишь
изволище. Скажешь правду: я съ собою только и взялъ
было на дорогу, что изволили видѣшь, а теперь и
домой дойши не съ чемъ.

Д. РАНУДО.

Что намъ дать ему бѣдному, Донна Олимпія?
я сего дни все серебряными деньгами принялъ отъ
должника, а червонные всѣ роздалъ, и такъ теперь
у меня право ни одного нѣтъ, а серебряными день-
гами дарю какъ мнѣ, такъ и всякому изъ нашей
фамиліи непригоже.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пожалуй, я и серебряными очень доволенъ буду,
милосливый государь.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ Жуанъ, этого не лзя сдѣлать; мы тѣмъ
можемъ всей славы своей лишиться, награжденіи на-
ши всегда либо золотомъ либо честью бываюшъ.

КРЕСТЬЯ-

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Однакожъ когда у Вашего Высокородія теперь злоша не случилось, а у меня чёспи про себя сполько, сколько мнѣ надобно, такъ я прошу серебряными деньгами убышокъ мой починишь, чшобъ было съ чѣмъ дойти до-дому.

ДОНЪ РАНУДО.

Развѣ дамъ ему мѣакихъ? Донна Олимпія, съ та-кимъ договоромъ, чшобъ снѣ про ешо никому не сказывалъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Нѣтъ: я до ешого никогда не допущу, для того, что ешо вѣчной сыдыъ дому нашему будетъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я право никому не скажу, что серебряныя деньги мнѣ пожаловали.

Д. РАНУДО.

Слушай, Жуанъ, я увѣренъ, когда придешь ты домой, и расскажешь своей браньби крестьянамъ, что съ шобой здѣсь дѣлалось, то всѣ шебя почитають шанушъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ежели у Вашего Высокородія теперь денегъ нѣтъ, то я беру смѣлоснь просишь, приказашъ мнѣ хопя чшо нибудь изъ поварни вашей на дорогу пожаловашъ, кошорое могу я дома своей браньби для увѣренія показашъ, что имѣлъ счастье въ домѣ вашемъ бышь.

Д. РАНУДО.

Я шебѣ дамъ копію съ герба моего, ты можешь шо дома показашъ для увѣренія, что здѣсь былъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Будуль я опѣ того благороденъ, когда вы меня гербомъ вашимъ пожелуете?

Г

Д. РА-

Д. РАНУДО.

Какъ бы да не такъ! полно пустое поговорить.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я думалъ, что отъ герба - то все и зависитъ, попому что вишь многіе доказывающъ свое благородство не чемъ инымъ, какъ гербами предковъ своихъ, а когда мнѣ то пользоваться не будетъ, то прикажише лучше что нибудь изъ поварни своей пожалованъ, чшобъ было мнѣ чѣмъ дорогою питаться.

Д. РАНУДО.

Буде что въ томъ сумнѣваться спанетъ, и скажетъ, что не возможно ешому спаться, чшобъ Донъ Ранудо де Колибрадосъ, которой происходитъ отъ Антонія, Простера, Алфонса, Гонзала, Ипполита, Сисефана, Мустаха.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ваше Благородіе!

Д. РАНУДО.

Допеса, Мелхиора, Гусмана, Феодосія, Теодераста, Феодора, Карлоса, Филиппа, Мануела, Балтазара.

КРЕСТЬЯНИНЪ,

Ваше Высокородіе!

Д. РАНУДО.

Сабастіона, Валенціана, Стемогіона, Миліора, Довеса.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ваше Высокородіе я.

Д. РАНУДО.

Каснара, Рануда, Тринкала, Фейшоза, и прочихъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я все таки голоденъ милосливый государь!

Д. РА-

Д. РАНУДО.

[показываетъ ему родословную и говоритъ.]
и прочихъ, и прочихъ, и прочихъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Сколько бы ни было въ вашей родословной Доне-
люновъ, Донъ Кишотовъ и Санхопансовъ, одна-
кожъ мнѣ въ помѣ при. - - -

Д. РАНУДО.

Буде кто, говорю я, сумнѣваться станетъ и
скажетъ, что не возможно такому великому человѣку
сбѣднымъ крестьяниномъ столько милости дѣлать,
то можешь ты, вонъ что показать ему. (Женѣ)
Слушай, Донна Олимпія, вонъ лежатъ копія съ герба
нашего, подай ее етому бѣдняку, онъ можетъ ее съ
собою взять для доказательства, что здѣсь у насъ былъ.

[Донна Олимпія подаетъ листокъ.]

На вонъ, Жуанъ, спрячь его хорошенько, и смолчи,
чтобъ дорогою не потерять.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не прикажете ли, я самъ въ поварню схожу, и
человѣка вашего къ вамъ кликну?

Д. РАНУДО.

Поспѣй, я тебѣ расскажу всё, что которое зна-
читъ въ гербѣ, въ первомъ полѣ вонъ видишь со-
колъ синий, а въ другомъ вонъ леопардъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ. [тихо]

Чортъ меня догадалъ сумку съ собою сюда
взять, ничего бы этого вранья не было. [въ слухъ]
Мнѣ пора домой идти сударь.

Д. РАНУДО.

Въ прешлемъ вонъ чепыре лилъи.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пожалуй, по мнѣ конь бы ихъ шесть было.

Д. РАНУДО.

А вотъ въ четвертомъ мечъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да чортъ ли мнѣ и въ мечъ вашемъ и съ лихьями.

Д. РАНУДО.

Я тебѣ все расплакую.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Прошу прощенія, и благодарствую за честь спуг,

что

[тихо]

сыръ мой стрѣскашь изволили.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Донъ Ранудо и Донна Олимпія.

ДОНЪ РАНУДО.

Какъ же прославляшь будешь насъ онъ домой пришедши?

ДОННА ОЛИМПІЯ.

И вѣдомо! я совершенно знаю, что онъ скажетъ, какіе это милоспивые господа! иной и мужикъ спесивѣ ихъ дѣлается.

Д. РАНУДО.

Да не будетъ ли чести нашей какого нибудь въ помѣ урону, что мы етому крестьянину сколько милости сдѣлали?

Д. ОЛИМПІЯ.

Нѣтъ ничего, Донъ Ранудо, мы не потеряемъ тѣмъ чести нашей ничего, я не много о помѣ думаю. Витъ онъ етого не спану я тѣхъ терѣтъ,

кои

кои захопяти то бышь, что они не есць. Крестяне вишь не больше о себѣ думаютъ, какъ только что крестяне, и честь, которую имѣ дѣлаютъ, починаятъ они за жилось. А есць нѣкоторые люди, какъ наприимѣръ, то подишь: ты самъ знаешь, кто дѣлается благороднымъ, а всякъ видишь, какъ подлосишь - та изъ него выглядываешь, какъ бы онъ ее ни припалъ; съ такими людьми всегда такъ бываешь, какъ съ однимъ лакеемъ, о которомъ сказывають, что онъ очень много денегъ выигралъ, и тѣмъ спалъ господиномъ; сдѣлавъ себѣ великой шпанъ и богатый экипажъ, а самъ въ одну пору такъ забился; что вмѣсто того, чтобы въ карету сѣсть, запероясь спалъ на запынки; такъ вмѣняють и тѣхъ людей, о которыхъ я говорю; частыя модлыя ихъ ухватки для того, что они имѣ сродны, мнѣ смертельно досадно видишь госпожу. Вишь ты знаешь, о комъ я думаю, какъ она въ каретѣ ѣдешь, и искривя голову сидишь. Какой меланхоличной видъ дѣлаешь, и неудовольствіе въ ней издали видишь можно, и что мужъ у ней не самымъ первымъ челоукомъ на свѣтѣ, а сама не вспомнишь какъ мать ее въ Севилю на рынкѣ ягоды продавала, а про бабушку и подумай не хочешь, такъ какъ и господинъ поишь, не говоришь никогда про своихъ отца съ матерью; право я не могу едакой подлости терпѣть Донъ Ранудо.

Д. РАНУДО.

Ну! полно свѣишь мой сердиться, вишь ещо трудѣ не стоишь.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ежели они осмѣляются хоть одна ко мнѣ въ гостини прѣхашъ, право заставаю ихъ цѣлой часъ на дворѣ дожидаться, по чести себѣ клянусь, къ спалѣ ли ещо, что они. . .

[Падаетъ съ сердца въ оморокѣ.]

Д. РАНУДО.

Вошѣ, вишь я говорилѣ, что дурно будетѣ, о ежели бы было что теперь ей понюхать, да вошѣ развѣ сырѣ, а восьлибо пройдетѣ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Я тебѣ сказываю, Донѣ Ранудо, что они цѣлой часѣ принуждены будутѣ на дворѣ стоять, больше я обѣ нихѣ ничего не думаю. Я почитаю ихѣ не лучше етого куска сыру, что у тебя вѣ рукахѣ.

[*гопоря то пѣзла сырѣ у него изъ рукѣ и сбѣла.*]

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣжѣ и Педро.

ПЕДРО.

Теперь ужѣ все пойдетѣ къ чорту. Заимодавцы пришли сѣ разсылщикомѣ, берущѣ все что вѣ домѣ ни нашли.

Д. РАНУДО.

А гдѣ они?

ПЕДРО.

Вошли ужѣ вѣ переднюю.

Д. РАНУДО.

Пойдемѣ къ нимѣ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣжѣ и Разсылщикѣ.

РАЗСЫЛЩИКѣ.

[*дѣлаетѣ низкой поклонѣ.*]

Вселокорнѣйше прошу о прощеніи, Ваше Високородіе, чшо я сѣ такою дерзостію сюда пришелѣ, я сѣдною разсылщикѣ, которой подѣ потеряніемѣ чина своего повелѣніе господѣ судящихѣ исполнять долженѣ.

Д. РА-

Д. ГАНУДО.

А за чѣмъ ты сюда присланъ?

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Мнѣ вѣрно въ домъ Вашего Высокородія конфисковать все, что ни сыщу, даже и до высокопочтеннаго плащя вашего, которое теперь на себѣ имѣшь изволише.

Д. ГАНУДО.

Я не думаю, чтобы со мной такъ какъ съ подлымъ мѣщаниномъ поступлено было.

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Не должно было такъ быть, да бѣда законъ, которой не дѣлаешь разницы въ людяхъ, ежели о деньгахъ дѣло идетъ.

Д. ГАНУДО.

Одумайтесь! что хотише дѣлать господинъ мой?

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Я довольно въ помѣ размышлялъ, посланные со мною товарищи уже все обобрали, что въ другихъ горницахъ наши, однакожъ все то, когда гораздо меньше сполнило того, что Ваше Высокородіе должны, такъ я беру смѣлость до плащя Вашего Высокородія коснуться, и прошу всепокорнѣйше то за провинно не причесть.

Д. ГАНУДО.

Кому еще не будетъ провинно! вы не можете сыскать никакой причины къ оправданію вашихъ поступковъ.

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Время не позволяетъ мнѣ теперь объ окончательнохъ разсуждахъ: а хочу только продолжая учинивость

вось мою къ Вашему Высокородію, исподнее платье на васъ оставить.

Д. ГАНУДО.

Ужасная учтивость!

РАЗСЫЛЩИКЪ.

Конечно я знаю, кому какое почтение дѣлать должно.

[снимаетъ съ него кафтанъ и дѣлаетъ три поклона низкіе.]

Д. ГАНУДО.

О! небо! въ какихъ временахъ мы живемъ.

РАЗСЫЛЩИКЪ.

Теперь должно мнѣ къ вамъ приступить, милостивая государыня.

Д. ОЛИМПІЯ.

Проступокъ ещѣ головы стоить, чѣмъ предъ такою, думаю, какъ я, невѣжничать, одумайся лучше.

РАЗСЫЛЩИКЪ.

Свидѣтельствуюсь всѣмъ на свѣтѣ, сколь прощаетъ меня то, что я повелѣнное мнѣ надъ Вашимъ Высокородіемъ исполнить долженъ, однакожъ я вины только неповинной инструментъ, которой господа присутствующіе употребляющъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Скажи всему магистрану, что онъ за это публично штрафованъ будетъ.

РАЗСЫЛЩИКЪ.

Я не премину приказъ Вашего Высокородія покорнѣйше донести, и приномъ беру смѣлость платье Ваше на щетъ должниковъ снять.

[снимаетъ платье и вѣствуетъ съ учтивостію]
[оставшую на ней шапку.]

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

О! Боже мой! умираю со стыда!

Д. РАНУДО.

[сѣ табакеркою въ рукавъ.]

Донна Олимпія, намѣ надобно быть великодушными и все презирать, чтобѣ доказать то, что сердца наши сколь благородны, столь и великодушны. Государь мой, намѣ еще не досадно, не изволишь ли шабаку поиюхать.

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Ежели смѣю доложить, собственная Вашего Высокородія еша табакерка?

Д. РАНУДО.

Моя, а чтожъ?

РАЗСЫЛЬЩИКЪ.

Когда ваша, такъ я прошу на меня не погнѣваться, что и ее такъ е на щопѣ приму, я вижу, что мнѣ теперь здѣсь больше дѣлать нѣчего: не имѣете ли Ваше Высокородіе еще чего приказать.

[поклонясь три раза очень низко отходитъ.]

ПЕДРО.

Табакерку можно бы было вамѣ усебя удержать.

Д. РАНУДО.

Быть такъ Педро, пойдемъ отсюда!

ПЕДРО.

Едакой бездѣльникъ! онѣ зная учился учпымъ образомъ сѣ людей кожу сдирать, да зная еще онѣ не ушолъ со двора, то онѣ конечно вездѣ хочетъ перешарить, мнѣ надобно свои крохи куда нибудь спрятать, а то онѣ ничему не спустишъ.

КОНЕЦЪ

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Леонора и Изабелла.

ЛЕОНОРА.

Ну , сударыня , каково кажется брату вашему наше намѣреніе ?

ИЗАБЕЛЛА.

Онѣ очень тѣмѣ доволенѣ , и я наипаче сказать могу , какѣ то , что естѣмѣ лучшей способѣ .

ЛЕОНОРА.

Онѣ будетѣ у насѣ сынѣ Царя Арабскаго , и назовемѣ его Теофраспо Бамбаспо , Принцѣ Египтскій .

ИЗАБЕЛЛА.

Знатное имя ! я думаю , что одно только слово Бамбаспо , можетѣ господѣ своихѣ удовольствовашѣ , и принудивѣ дочь за него отдашѣ ; однакожѣ не удивительноѣ будетѣ нѣсколько Египтскимѣ принцомѣ называшѣся ? Мнѣ кажется вымыслѣ естѣмѣ нѣчто отважнымѣ , да и на то похожѣ какѣ въ комедіи называемой мѣдвѣдникѣмѣ дворянствѣ , обманувѣ былѣ одинѣ купецѣ , шѣмѣ что будто Принцѣ Турецкаго Султана

Султана прѣхалъ въ Парижъ жениться на дочери
того купца.

ЛЕОНОРА.

Нѣтъ, сударыня; сколь нескладенъ въ той ко-
медіи ешошь вымыселъ, столь напропивъ нашъ
очень способенъ быть можетъ, потому, что для
обману купца Турецкому Принцу не къ снати было
прѣзжать изъ Азии въ Европу въ провожаніи вели-
каго Муфтія и многихъ духовныхъ, и жениться на
посадской дѣвкѣ въ Парижѣ. Ешо вишь также не
вѣроятнѣе какъ и то, что нѣкогда одинъ назвалъ
себя посланникомъ изъ луны, которой будто при-
сланъ былъ сватать докшорскую дочь за его госу-
даря; а здѣсь прѣдеиъ христіанской Принцъ изъ
Африки въ Гишпанію, и скажется, что онъ Каео-
лической законъ принялъ, какихъ и много въ Египтіи
есть, и что онъ ищетъ невѣсты и столь знатной
Гишпанской фамиліи, какъ Колибрадошъ; по чему ни-
какого иного сумнѣнія быть не можемъ, какъ только
развѣ, что онъ чоренъ, однакожъ ето такая вещь,
которая до невѣстѣ лишь только принадлежитъ.
Вишь вы знаете, что господа мои никакую фамилію
прошивъ себя не почитаютъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣжъ и Педро.

ПЕДРО.

А! Леонора!

ЛЕОНОРА.

Что такое?

ПЕДРО.

Ступай скорѣе, тебѣ запечатать надобно, такъ
же какъ и прочую домовую рухлядь.

ЛЕОНОРА.

ЛЕОНОРА.

Запечатать! что это значить?

ПЕДРО.

Это значить то, что на тебя клеймо положатъ; у насъ въ домъ теперь великая сумятица, къ намъ ни одного сундука, кошпорой бы не былъ запечатанъ. все, что ни есть точно было унесено, и послѣднее платье съ господъ содрали, да взяли за долги.

ЛЕОНОРА.

Чортъ ихъ всѣхъ побери, платье мое все что ни есть, было у меня прежде, нежели я сюда въ домъ пришла.

ПЕДРО.

Это не поможетъ, я хотѣлъ было также опговориться, однакожъ много не слушающъ, разсыльщики забрали все мои пожизненки что ни было, а меня только тѣмъ утѣшили, чтобы я убытки свои на господахъ искалъ.

ЛЕОНОРА.

Изрядное утѣшеніе!

ПЕДРО.

Они и о служанкѣ спросили, однакожъ я столько былъ честенъ, и сказалъ, что тебя дома нѣтъ, и просилъ, чтобы они часъ мѣсяца подождали, а ты между тѣмъ придешь.

ЛЕОНОРА.

Смотри пожалуй какой честной человекъ!

ПЕДРО.

Они бы и твои пожизненки попрыгали, ежелибы не я.

ЛЕОНОРА.

ЛЕОНОРА.

У меня конечно такого ничего нѣтъ, чѣмъ бы запереть надобно было, пускай ихъ берутъ что хотятъ, однакожъ что теперь господѣ наши дѣлаютъ?

ПЕДРО.

Все таковыжъ спесивы, хотя почти и дѣла на раздѣлы, я не знаю, естли полно что нибудь теперь въ домъ, чѣмъ бы имъ одѣться было кромѣ старой черной сѣпачи.

ЛЕОНОРА.

У меня слезы идутъ слышавши это.

ИЗАБЕЛЛА.

Добро, полно Леонора, не бойсь, будемъ все изрядно.

ПЕДРО.

Какое изрядно, чемуужь ужъ доброму быть?

ИЗАБЕЛЛА.

Ты видишь знаешь, какъ мы уговорились, вотъ Гусманъ идетъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ

Тѣ жъ и Гусманъ.

ГУСМАНЪ.

[не видя ихъ]
 Чортъ васъ всѣхъ побери мошенники, развѣ хочется вамъ съ меня кожу содрать? да въ ней нужды вамъ нѣтъ; буде плащъ мое ограбить хочется, такъ оно и все шелега не стоить; а ежели нажеской шишуль вамъ понравился, такъ вы мнѣ великую сдѣлаете услугу, ежели возьмете его; попому, что я еще счастливаѣ быть могу, когда пойду къ кому другому въ домъ хоть въ поваренные

ные работники, и охопнѣ стану на вертѣлѣ жареное вертѣшъ, гдѣ конечно лучше сытѣ буду, не будешъ же вамъ и въ помѣ прибыли, бездѣльники, что вы и съ господами такъ поступили. Сперва побрали они, что ни нашли въ домѣ: а потомъ и до самихъ господъ добрались. Напередъ снялъ съ господина шляпу съ головы, потомъ кафтанъ, а тамъ ужѣ съ позволенія сказать, и галстукъ съ шеи: и такъ на немъ ничего кромѣ штановъ и башмаковъ не осталось, однимъ словомъ не покинули ничего больше, чѣмъ бы ему одѣться, какъ только епанчу печальную старую. Ея надѣлъ онъ на себя, и похожъ ѣй на самого чорта, однакожъ великодушнѣ еще припомъ очень, сказалъ мнѣ, слушай Гусманъ, при всемъ нашемъ несчастіи родословная наша у меня осталась.

ЛЕОНОРА.

Нѣтъ ли чего новаго, Гусманъ?

ГУСМАНЪ.

Скоро все новое будешъ, для того, что старое-то все къ чорту пошло. Ва! да вотъ госпожа изволилъ ипши.

ИЗАВЕЛЛА.

Такъ я пойду отсель.

[отходитъ.]

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Донна Олимпія, Леонора, Педро и Гусманъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ахъ! сердце мое съ досады рвешся! какая неслыханная безсмысленность! какая ужасная дерзость! я должна опмѣшиться, хотя бы мнѣ то и жизни стоило.

ГУСМАНЪ.

ТУСМАНЪ.

[тихо]

Да ето давно намъ пророчествовали.

Д. ОЛИМПІЯ.

Какъ о томъ ни вспомню , кипитъ во всѣхъ
жилахъ моихъ благородная кровь.

ПЕДРО.

Витъ чему нибудь въ домъ да надобножъ ки-
питъ, для того , что въ кошахъ у насъ давно ужъ
ничего не кипѣло.

Д. ОЛИМПІЯ.

Мнѣ пришло умереть.

ПЕДРО.

[тихо]

Однакожъ право не отъ излишняго кушанья.

Д. ОЛИМПІЯ.

Развѣ люди забыли , кто я ?

ПЕДРО.

[тихо]

То то и бѣда! что помнютъ , а наипаче по-
слѣднѣе, то могло бы уцѣлѣть , что было осталось.

Д. ОЛИМПІЯ.

Гдѣ дѣлись люди мои? мнѣ надобно бы съ ними
посовѣтовать , что намъ теперь дѣлать ?

ЛЕОНОРА.

Мы всѣ здѣсь , что изволите приказать ? Ваше
Высокородіе !

Д. ОЛИМПІЯ.

О ! Леонора ! ты мнѣ всегда вѣрна бывала.

ЛЕОНОРА.

Я не больше дѣлала , какъ только что должность
моя пренебуетъ.

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

Знаешь ли ты, Леонора, какое несчастіе и ругательство со мною сдѣлалось?

ЛЕОНОРА.

Все по несчастію извѣстно мнѣ, сударыня.

Д. ОЛИМПІЯ.

Какъ такъ скоро спало еще извѣстно?

ЛЕОНОРА.

Да какъ не быть намъ извѣстно: вишь всѣхъ насъ несчастіе то пронудило.

Д. ОЛИМПІЯ.

То то вѣрные слуги! что въ поношеніи господъ своихъ участіе имѣютъ.

ЛЕОНОРА.

Стыдъ не такъ великъ какъ убытокъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Такъ по етому ты не знаешь, что съ нами сдѣлалось?

ЛЕОНОРА.

Какъ не знать что разсыльщики

Д. ОЛИМПІЯ.

Епо бы даромъ: есть другое гораздо важнѣе, лишь только разсыльщики ушли, вошла ко мнѣ въ комнату безъ доклада одна служанка, и съ превеликою смѣлостію спала говоришь. Господъ мой приказали вамъ покалониться; жаль имъ очень, что съ вами такое несчастіе сдѣлалось, и для того приказали просить, чтобъ Ваше Высокородіе, вопль епо шипофное плащье, которое и двухъ разъ надѣвано не было, принявъ не отказали. Ахъ! охъ горестный и досады не могу я больше и говоришь.

[она уходитъ и гусманъ за ней]

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Донъ Ранудо, Леонора и Педро.

[Донъ Ранудо отвернулъ въ чернуюспанчу: Леонора и Педро увиди его испужались и стали на колѣни.]

Д. РАНУДО.

О робяшки! почтеніе епо очень велико: я вишь еще не свяшой, хоть и знашной господинъ; однажъ человекъ, и для того пребую, чтобъ передо мною для почтенія на колѣни не спановились.

ПЕДРО.

А! епо Ваше Высѣкородіе?

Д. РАНУДО.

Вишь ты видишь. Вспаньше, я не желаю епѣ людей своихъ такого почтенія.

ПЕДРО.

Я побожись гошомъ, что не изъ почтенія епо сдѣалось; а вы намъ право чорномъ показались.

Д. РАНУДО.

Бомъ на! епо ошъ чорной поспанчи моей, однажъ я клянусь, что епо имъ не пройдетъ; что сего дни со мною сдѣлано: заимодавцы должны съ женами ихъ и дѣтьми искоренены быть. Что ты думаешь? вишь за едакой проступокъ надлежитъ ихъ всего имѣнія лишить, да и городъ весь привиллегію свою за то потеряетъ.

ПЕДРО.

Ахъ, милоспивый государь! я прошу ужъ хопя города - то не разоряй, чемъ другіе добрые люди въ томъ виноваты?

Д

Д. РА.

Д. РАНУДО.

Иъ едакихъ случаяхъ Педро и правыхъ виноватыми ставяишъ.

ПЕДРО.

Однакожъ ежели едакой великой человекъ, какъ Ваше Высочодіе, о городъ - шо слово замолвишъ, пакъ можетъ вишь онъ и помилованъ быишъ.

Д. РАНУДО.

Добро Педро! ежели до того придеишъ, шо я посмошрю, чпо можно будеишъ сдѣлаишъ.

ПЕДРО.

Весь городъ благодаритъ васъ будеишъ.

Д. РАНУДО.

Слушай Педро! чья ешо женщина была передо мною съ вами здѣсь и побѣжала вонъ?

ЛЕОНОРА.

Ешо служанка изъ Принцовой свиты, копорой недавно сюда прѣхалъ.

Д. РАНУДО.

Какой ешо Принцъ?

ЛЕОНОРА.

Онъ называется Теофрасто Бомбасто Принцъ Есіонскій.

Д. РАНУДО.

Смашное ешо дѣло? да почему она вамъ знакома?

ЛЕОНОРА.

Она ко мнѣ въ гости приходила для того, чпо государыня ихъ, мать ешого Принца, а Королевская сестра на-крѣпко ей приказывала, чпоишъ она ни съ кѣмъ здѣсь з акоменива не дѣлала, какъ шолько чпо съ-служителями нашего дому.

Д. РАНУ-

Д. РАНУДО.

Епо мнѣ очень пріятно, я вижу, что они ам-
бицію имѣютъ, да правду сказать, и не свѣдѣтъ ей
здѣсь въ городѣ имѣть знакомства.

ЛЕОНОРА.

Тушѣ есть еще важность: сколько я примѣшнѣ
могла, пошому чпо служанка почпи проговорилась,
чпо епомѣ Принцѣ за нѣмѣ только сюда и прі-
ѣхалѣ, чпо-бѣ женился на вашей Доннѣ Маріи, а
онѣ очень знатной крѣви: она сказывала, чпо будпо
происхождение его отъ Саѣской Царицы.

Д. РАНУДО.

Не нѣ правду ли Леонора? позови сюда госпожу
скорѣе, надобно и ей обѣ епомѣ дать знать, вишѣ
епо не шутка, да воиѣ она и сама идетѣ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣжѣ и Донна Олимпія.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ахѣ, Донѣ Ранудо! и мнѣ спыдно право нѣ такомѣ
подломѣ плащѣ показаться!

ЛЕОНОРА.

[тихо]

Епо право мое старое платье на ней.

ДОНѢ РАНУДО.

Не печалься Донна Олимпія! одинѣ великій
Принцѣ пріѣхалѣ сюда, и хочѣтъ на дочери нашей
женился.

Д. ОЛИМПІЯ.

Можетѣ быть епо нѣ какой нибудѣ новой
фамиліи.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ! изъ самыхъ древнихъ на свѣтѣ; Принцъ
Египтскій, Леонора знаетъ, какъ его зовутъ.

ЛЕОНОРА.

Онъ называется Теофрасто Бомбасто, Принцъ
Египтскій.

Д. ОЛИМПІЯ.

Спашное дѣло?

ЛЕОНОРА.

Я думаю, что вы конечно сего дни опѣ него
визитѣ имѣшь будете, одно только, въ чемъ я
нѣсколько опасна, что Донна Марія, можетъ быть, не
захочетъ за него идти, для того, что онъ очень
чоренъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ето даромъ, лишь бы онъ только знатной
природы былъ, о какое великое щастіе!

Д. РАНУДО.

Да какъ мнѣ такого великаго Принца въ шепе-
решнемъ жалкомъ состояніи принять; слушай Педро!
одинъ чужестранный Принцъ сюда прѣхалъ на до-
чери моей женился, а Принцъ египтскій Арапскій.

ПЕДРО.

Полно, сударь, не уѣдали вы въ правду хотише
дочь вашу за Тапарина выдать.

Д. РАНУДО.

Ето даромъ, она иѣмъ придетъ въ великую
знатность, да гдѣ мнѣ плащя взять?

ПЕДРО.

Постойте на часъ, милостивый государь! я пот-
часъ вамъ плащя достану, я хотя на свое имя
займу.

Д. РАНУ-

Д. РАНУДО.

О другъ мой! пожалуй поспарайся поскорѣе
доспѣть.

ПЕДРО.

Я топчасть збѣгаю. .

[отходитъ.]

Д. РАНУДО.

Мнѣ кажется нѣчто спучаетъ за дверьми.

Д. ОЛИМПІЯ.

Леонора, постыли, да послушай что тамъ?

ЛЕОНОРА.

Ахъ! ето переводчикъ Принцовъ прищелъ, и
желаетъ Ваше Высокородіе видѣть.

Д. РАНУДО.

Не въ правду ли? какъ намъ теперь быть,
скажи Леонора, что насъ дома нѣтъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Нѣтъ, ето очень дурно. и опасно посланиому
ошъ шакого великаго человека опказалъ, намъ на-
добно другое что нибудь вздумать.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ другого способа, мнѣ никакъ не лзя въ
еиомъ состояніи показаться.

ЛЕОНОРА.

Мнѣ пришло на умъ, чѣмъ помѣчь можно Ваше
Высокородіе! Можемъ больнымъ приговориться, и
сказать, что Докторъ велѣлъ въ пакую епанчу одѣтъ-
ся для того, что она въ себѣ поспническое лекарство
имѣетъ къ пользѣ болѣзни вашей.

Д. РАНУДО.

Нѣтъ, ето дурно.

ЛЕОНОРА.

Или другой способъ: вы можете приплориться, что будно говѣете, а по общанію ешу епанчу на себя надѣли.

Д. РАНУДО.

Вотъ ешо живетъ, Леонора, позови его сюда.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣжъ и Переподчикъ.

ЛЕОНОРА.

[переподчику.]

Государь мой! не извольте дивиться, что видите господъ моихъ въ такомъ состояніи: Его Высочодіе Донъ Ранудо сколь знатной и великой человекъ заѣхъ въ городъ, сколь напрошивъ того и бжебязливъ. Онъ смирилъ себя по примѣру Навуходоносорову такъ, что больше на дикаго звѣря, нежели на человека похожъ, и взялъ намѣреніе шло свое четырнадцати дней изнуришь и мучишь; прежде желалъ было божиомъ ходишь, однакожъ ешого труда показалоъ ему не довольно, и для того вздумалъ Навуходоносору послѣдовашъ, онъ котораго онъ, какъ думаю, происхождение свое имѣетъ, пошому что его фамилія самая знатнѣйшая во всей Испаніи: онъ хотѣлъ было еще также, какъ Навуходоносоръ на рукахъ и на ногахъ ползашъ, да мы всѣ со слезами сжали его просишь ешо оспавишь, однакоже шо не помогло бы нимаю, ежели бы не здѣшнее духовенство на другое общаніе его уговорило.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

По етому вижу я, Донъ Ранудо, что въ фамиліи Коласрадосъ не только что великіе люди, но и святыіе есѣ.

Д. РАНУ-

Д. РАНУДО.

Охъ другъ мой! далеко еще до того, чтобъ мнѣ святымъ быть, я почишаю себя больше грѣшникомъ, нежели; конечно великаго наказанія достоинъ за грѣхи мои.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Еще признаніе больше доказываетъ насъ праведникомъ потому, что когда святой подумаетъ то, что онъ святъ, не будетъ ужъ во святыхъ. Да гдѣжъ Донна Олимпія ваша супруга?

Д. РАНУДО.

Я видѣлъ прешьяго дни очень дурной сонъ, въ которомъ вначѣ въ великой грѣхъ, и для того положилъ на себя еще обѣщаніе.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

И за еще одно заслужили вы себѣ мѣсто въ раю, однакожъ время мнѣ причину прихода моего открыть: я присланъ уведомить васъ о прибытіи сюда въ городъ Его Свяшлости Государя моего Свяшлаго Принца Абисинійскаго, однакожъ не ея главная моя причина; я имѣю высокое повелѣніе отъ моего Государя предложить вамъ о супружествѣ Его Свяшлости съ вашею любезною дочерью.

Д. РАНУДО.

Еще предложеніе дѣлаетъ намъ великую честь, однакожъ смѣю ль я Вашего Высочествомъ сиротинѣ спросить, отъ чего Принцъ на наши мысли пришелъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Причина, для которой Его Свяшлость такой дальней пушъ принять изволилъ, есть то въ Египтѣ или Абисиніи, какъ Король тамъ и подданные всѣ въ Христіанствѣ законъ, хотя съ нѣкоторою съ Капеланами разноситъ: чего ради многіе Португальскіе Іезуиты пуда посланы, чтобъ Абисинію при-

вестъ въ послушаніе Папѣевое чрезъ стараніе и проповѣди тѣхъ священныхъ отецъ. Принцъ, Государь мой, такъ тронутъ и доказанъ, что онъ онъ всѣхъ теперь за лучшаго Каполика почитается; о чемъ извѣстенъ будучи Король нашъ, дядя Его Свѣтлости, и по прозвѣ его позволилъ итти себѣ невѣсты въ Испанію или въ Италию. И такъ онъ со мною, какъ съ природнымъ Испанцемъ, опомъ совѣщивалъ и спрашивалъ у меня о знаменитѣйшихъ Испанскихъ фамиліяхъ; почему я Его Свѣтлости предложилъ вашу, такъ какъ первѣйшую фамилію здѣсь во всей Испаніи, да и во всей Европѣ; а для того говорю, Европѣ только, что въ Абисиніи гораздо снѣгѣе здѣшнихъ фамилій есть, и Его Свѣтлость можетъ доказать происхожденіе свое онъ Сафской Царицы.

Д. РАНУДО.

Моя родословная и еще далеко прослѣживается.

ЛЕОНОРА.

Ваше Высокородіе! можетъ быть не изволите ль знать, я слышала, какъ ученые люди объ васъ говорили между собою: они сказывали, что будто Колибрадосы, происходящъ онъ сыновъ Моевыхъ: Сима, Хама и Афеша по прямой линіи.

Д. РАНУДО.

Можетъ быть: однакожъ древнія поколѣнія не очень ясны.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Я нималого сомнѣнія не имѣлъ жениться на моей женѣ, которая имя Беликонъ Комшраола имѣетъ, естъ оберъ порпомоя Королевская, которое въ Абисиніи знающимъ господамъ дается. Вашему Высокородію безъ сомнѣнія извѣстно, что всякое государство свой обычай имѣетъ, а что всего мудренѣе для чужестранныхъ въ Абисиніи покажется, такъ,

такъ, что ихъ языкъ, копорой по большой часпи пѣиѣмъ, нежели разговорами, названъ можно. На примѣрѣ: ежели я скажу слово табуини, проспо жъ низкимъ пономъ, такъ епо значить будетъ столъ, табуини еще повыше, значить церковь, тагуни-си еще повыше, значить будетъ слонъ.

Д. РАНУДО.

Епо очень куріозно, дочери моей етого искашь долго не выучишься будетъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Чрезъ годъ такъ спаненъ она говоритъ, какъ природная Есіюпка.

Д. РАНУДО.

Я опасенъ, лишъ только что она . . . Во которой Бабинини бываешъ сіиъ не можетъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Нъ той провинціи, гдѣ Король резиденцію свою имѣетъ, воздухъ очень умѣренной; а есть у него подданные, что подъ горячую липѣю живутъ, которые такъ горячи, что ими сѣру зажигаъ можно, и буде имъ случиться вѣсъ варить, то лишъ дохнушъ на дрова, такъ и огоня тотчасъ гонетъ.

Д. РАНУДО.

Епо нѣчто удивительное.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Много есть удивительныхъ вещей, надобно еще напоминъ: вамъ должно, государь мой, съ открытою головою говоритъ съ Его Свѣпоснѣю Принцомъ нашимъ и поклонишъ прежде, для шего, что епо чѣспи пребуемъ. Онъ непремѣнно опъ всякаго подданнаго, кпо не Королевской крови. . . .

Д. РАНУДО.

Нѣтъ, я етого никогда не сдѣлаю: какъ етому спанъся, чпобъ Колибродъ, знаиѣишій Вельможа

Испанской, которой право имѣетъ съ Королемъ Испанскимъ съ покрышкою головою говорить, ошкерылъ голову предъ чужеземнымъ Принцомъ.

ЛЕОНОРА.

[тихо]

Куда къ чортѣ это знать, прямо по Испански будетъ. Ни шапки, ни шляпы нѣтъ, а еще думаешь не снимаешь шляпы.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Такъ я вижу, что ничему не бываешь, для того, что Его Свѣпелось не согласился ни на какой разговоръ, ежели чести его какой ущербъ будетъ поперянь.

Д. РАНУДО.

Мнѣ очень жаль такого значнаго зятя лишиться; однакожъ я лучше хочу въ бѣдѣ умереть, нежели хощу малое что сдѣлать прошивъ моей чести.

ЛЕОНОРА.

[тихо]

Вотъ и это прямо по Испански.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ежели Донъ Ранудо на это согласится, то я во-все съ нимъ разведусь.

Д. РАНУДО.

Слова твоя Донна Олимпія! должны золотыми лиферами въ залъ написаны быть.

ЛЕОНОРА.

[тихо]

Нѣтъ! развѣ въ другомъ мѣстѣ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

По этому вижу я, что Его Свѣпелось, Принцъ мой, не исполня желанія своего, ошюда ошѣхавъ принужденъ будетъ.

Д. РА-

Д. РАДУДО.

Етого миѣ очень жаль будетъ; однакожъ миѣ никакъ на то не лзя согласиться, хотя бы то и жизни моей стоило.

Д. ОЛИМПІЯ.

Чесполобіе и благородная амбіція рождены съ вами, и еще съ матернимъ молокомъ влишы.

ЛЕОНОРА.

[тихо]

Ето ужъ и черезчуръ по Испански.

Д. РАДУДО.

Дочь моя пускай лучше въ монастырь идетъ.

ЛЕОНОРА.

[тихо]

А васъ бы обѣихъ съ бѣшенными заперешь.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Такъ по етому миѣ здѣсь дѣлать нѣчего: я пойду донести Его Свѣшлости отказанной отвѣтъ.

[отходитъ.]

Д. РАДУДО.

Какъ тебѣ кажется Леонора! развѣ мы не хорошо за честь свою стоимъ.

ЛЕОНОРА.

Стойте вы, кажется, изрядно, да то дурно, что честь - то у васъ изъ подъ ногъ выскакиваетъ, и что вы честью и почтеніемъ называете, то другіе за безчестіе и стыдъ почитаютъ: гордость ваша такъ умножается, что со временемъ изрядную матерію для комедіи сдѣлаетъ.

Д. РАДУДО.

Слушай Леонора! за свою долговременную и вѣрную службу, надобно нѣсколько сквозь пальцы на себя смотрѣть.

ЛЕОНОРА.

ЛЕОНОРА.

Ваше Высочество! говоришь мнѣ вѣшь не заказишь, для того, что я четыре года служу у васъ, очень мало свѣла, а про жалованье и не слыхивала.

ЯВЛЕНІЕ ОСМОЕ.

Тѣжъ и Педро.

ПЕДРО.

Вашъ изволь сударь! я принесъ кафтанъ, за коимъ рой принужденъ былъ всю свою честь въ закладъ положить, что чрезъ три дни назадъ отданъ будетъ.

Д. РАНУДО.

Ужъ поздно Педро! переводчикъ Принцовъ теперь здѣсь былъ, да ни съ чѣмъ домой пошелъ, и не лезя свидѣтъ у насъ быть.

Д. ОЛИМПІЯ.

А вѣдь либо еще и будетъ, по чему намъ знать, что Принцъ отъ престола своего не отступилъ, можетъ быть, что и еще придетъ. Пойдемъ между тѣмъ, и ты кафтанъ надѣнешь.

[*Донъ Ранудо и онъ отходятъ.*]

ПЕДРО.

Для чего они раздумали?

ЛЕОНОРА.

Господину нашему не хочется съ открытою головою съ Принцемъ говорить.

ПЕДРО.

Да что жъ намъ въ томъ нужды?

ЛЕОНОРА.

Для того, чтобы они лучше вѣрили, что ещо подлинно Принцъ. Дай срокъ, все будетъ изрядно,
нашъ

нашъ Принцъ, можетъ быть, требованъ своего нѣскольکو и убавишъ: да вошъ господинъ оный идешъ нарядясь въ чужой кафтанъ.

Д. РАНУДО.

Нѣшъ; я не думаю, чтобъ мнѣ можно было на то согласиться, хотя и бѣдность наша велика.

Д. ОЛИМПІЯ.

Что за бѣдность? подаме лишь ето говорятъ. Люди такого сснпоянїя, какъ мы, не могутъ быть бѣдны.

ПЕДРО.

А какъ съ голоду Вашему Высокородно умереть случится, то какъ ето приято по Испанскн назывшь надобно будетъ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Съ голоду умереть, называется ето не опъ бѣдности умереть, а геройскою смернїю: благороднымъ людемъ должно лучше едакою геройскою смернїю умереть, нежели въ чемъ нибудь себя унизить.

ПЕДРО.

Да! я опасенъ, чтобъ покойные не сдѣлали надъ гробомъ нашимъ едакой надписи: ядъсь почивающъ Донъ Ранудо съ Высокородною своею супругою, скончались они оба съ голоду, упреждая роу заѣйшей бѣдности. Ба! да вошъ никакъ давленней оный идешъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣжъ и Переводчикъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Его Свѣплость, мой Государь! нн мало не прогнѣвался, что Ваше Высокородіе упорносшь свою оклази, а удивляется еще и починаетъ васъ больше,
не-

нежели прежде, и для того оставляю на вашу волю, изволишь ли вы по почтение Его Свяшасни сдѣлать или нѣтъ.

Д. ГРАНУДО.

Ежели Принцъ того въ пребываніе свое не включаетъ пакъ, какъ и не должно, то я добровольно лучше епо сдѣлаю.

Д. ОЛИМПІЯ.

Что?

Д. ГРАНУДО.

Добро Донна Олимпія! мы можемъ тому почтенія нѣсколько сдѣлать, кому хотимъ, лишь бы не по неволѣ; для того что епо буденъ учивость, а не должность; я докажу тебѣ изъ Испанской Исторіи, что одинъ изъ нашихъ предковъ предъ солдатою снялъ шляпу идучи его встрѣтить, сатъ шопъ въ баталіи съ Карломъ восемь Араговъ своею рукою побилъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Такъ я Вашему Выговородию поздравляю съ принятымъ вашимъ намѣреніемъ; и Его Свяшасни со всею свипою чрезъ часъ сюда проводишь честь имѣшь буду.

КОНЕЦЪ

ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Леонора и Гусманъ.

ГУСМАНЪ.

 Ну! Леонора, что жъ скажешь теперь влюбленной Гонзало? увидя, что любезная его Донна Марія въ Аранскую землю ѣдетъ; мнѣ право пріятно епо, что она изъ заоченія своего и бѣд-ности въ великую честь и благополучіе приходишь, однако жъ мнѣ бы больше хотѣлось, чтобъ ея свадьба не сдѣлалась для Гонзала.

ЛЕОНОРА.

Нѣтъ Гусманъ! епо для нея лучше.

ГУСМАНЪ.

Я вижу, что въ тебѣ поспоянства столько жъ, какъ у всѣхъ дѣвокъ.

ЛЕОНОРА.

Добро же молчи, да барышня па тѣмъ, я чаю, довольна.

ГУСМАНЪ.

Боже мой! да какъ ей довольной быть едакимъ чернымъ Араномъ?

ЛЕО-

ЛЕОНОРА.

Я слышала, что Принцъ епощъ изрядной, я
опѣ нея не општану, куда бы она ни поѣхала.

ГУСМАНЪ.

И я съ вами поѣду.

ЛЕОНОРА.

А за чѣмъ?

ГУСМАНЪ.

Чтобы всегда съ шобою бышь вмѣстѣ для того,
что я тебя очень люблю Леонора, ежели бы ты поѣхъ
думала, что я, такъ бы у насъ не долго было и до
свадьбы; вишь долго въ дѣвкахъ сидѣшь, тебѣ такъ
же дурно, какъ и мнѣ холосшымъ ходитъ, а къ по-
му жѣ мнѣ не обходимо надобно скорѣе жениться
для нѣкоторой причины.

ЛЕОНОРА.

Полно врать дурачина! ты не смыслишь, какъ
должно съ Испанскими дѣвушками говорить, вишь епо
не во Франціи, или въ Нѣмецкой землѣ, гдѣ обык-
новенно бываетъ, такъ что на примѣрѣ: сего дня
спросить хочешь ли ты за меня, а завтра и свадьба;
я такъ коротко о свадьбѣ разсуждашь не люблю,
ежели ты хочешь любовь мою достать, то надобно
тебѣ по нашему поступать. Сперва должно тебѣ
цѣлой годъ ходи вздыхать, а увидя меня, робѣть,
иногда припворяться будто опѣ любви съ ума со-
шелъ, и удавиться хочешь, не показывая, въ кого
влюбленъ, а оправляя мнѣ самой въ помѣ догады-
ваться. Помѣмъ должно тебѣ стараться мнѣ во
всѣмъ ласкать, чаще подарки приносить, любовныя
пѣсенки у меня подъ окошкомъ пѣть, терпѣливо
сносить, ежели я тебя и бранишь спану, помѣмъ
надобно будетъ тебѣ склонить подарками какую ни-
будь старуху, которая мнѣ знакома, чтобы она опѣ
тебя иногда въ разговорахъ слово замолвила, и ска-
зывала

зываетъ бы какъ ты обо мнѣ спраженье, и приводила бы меня сколько нибудь въ жалость, чтобъ я жглась удовольствіемъ своимъ пріятнымъ взоромъ, и тѣмъ бы тебя оживотворила, или бы приносилъ мнѣ вирши кровью своею написанныя, а я бы тебѣ позволила сперва въ окошко съ собою говорить и наконецъ въ горницу къ себѣ пустила.

ТУСМАНЪ.

Правда Леонора! должно бы етакъ быть, да нѣчто время — то будетъ долговато, выпь епѣрихъ околнчностей и въ пятьдесятъ лѣтъ не кончишь, напрасно ужъ ты мнѣ не совѣтуешь отъ любви по и въ правду удавиться. Нѣтъ Леонора! я знаю способъ, которымъ мы скорѣе къ концу припни можемъ, не нарушая обычаевъ нашей земли: не запирай лишь только одну почъ дверей у своей горницы, такъ я и сдѣлаю, что на другой день свадьба у насъ будетъ.

ЛЕОНОРА.

Перестань же врань, или я право господамъ пожалуюсь, такъ тебя и уймушъ.

ТУСМАНЪ.

Ето выпь я на примѣръ говорилъ, а ты дѣлай себѣ что хочешь, мнѣ большой нужды въ женидѣбѣ нѣтъ.

ЛЕОНОРА.

А мнѣ въ замужствѣ еще и меньше.

ТУСМАНЪ.

Ну, добро Леонора! не о чемъ вздорить, да вотъ идетъ Донна Марія: я не могу на нея смолчать, отъ жалости сердце у меня кипитъ, какъ я вспомню, что она за такого чернаго Принца идетъ, я пойду отсюда.

[отходитъ.]

Е

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Донна Марія, Леонора и Педро.

Д. МАРІЯ.

Вымыселъ твой, Леонора, очень хорошъ, да опасна я, чѣмъ не вышло на ружу прежде, нежели все сдѣлается.

ЛЕОНОРА.

Не лѣзя спашься, ежели мы самихъ себя не измѣнимъ, и для того Гусману шеперь про ешо не сказала, что онъ не остороженъ, и можешь легко проболтаться.

Д. МАРІЯ.

Да спесь-та у нихъ пакъ вкоренилась, что они лучше съ голоду умрутъ, нежели согласятся за того опдашь, кто имъ въ бѣдности хоня и не много помочи можешь, да только малымъ чѣмъ меньше ихъ знаешь.

ЛЕОНОРА.

Презубасная гордость владѣетъ нашимъ народомъ! и для того въ другихъ земляхъ, ежели кого случится назвать спесивымъ, то называютъ Испанцомъ.

Д. МАРІЯ.

Не говори етого, Леонора, что спесь нашей нации сродна: нѣтъ, мы напрасно ея клепаемъ. Правда, есть много такихъ людей въ Испаніи, однако жъ изъ того не лѣзя еще обо всѣхъ Испанцахъ думать, потому что и въ другихъ земляхъ такихъ есть не мало, да еще спашь, съ пущаго примѣчанія сдѣлаютъ важность, на примѣръ: ежели прѣзжей въ какой нибудь земли по щастью спознается прежде съ честными и добрыми людьми; то послѣ прѣвдучи
домой

домой разтвердитъ обо всѣхъ жителяхъ, что честные и добрые люди, будежъ напротивъ попадутся ему сперва какіе гордые, или злые, то ужъ цѣлыя книги о спрасныхъ ихъ сочиня прославятъ во весь свѣтъ такими. И такъ для гордости родителей моихъ не должно всѣхъ Испанцовъ шѣмъ и винить. Итъ, это не простиительно будетъ, попому, что почти всякъ здѣсь въ городъ, ихъ за это ненавидитъ, и очень ради будущъ, ежели намѣреніе наше исполнится.

ПЕДРО.

Въ этомъ случаѣ съ вами всякому согласиться должно; потому что вы собою то доказываете, что не всѣ Испанцы этомъ порокъ имѣютъ, да воля бабюшка вашъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

*Д. Ранудо, Д. Олимпія Д. Марія,
Леонора, Педро и Гусманъ.*

Д. РАНУДО.

Ну, другѣмой! судьба даруетъ, Д. Марія, тебя теперь такимъ женихомъ, за котораго можешь выйти безъ ущербу нашей фамиліи. Я назначалъ тебѣ мужемъ Принца Еоіопскаго Теофраста Бомбаста.

ПЕДРО.

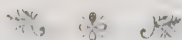
Одно только имя Бомбаста услышавши, видно какой великой человекъ.

Д. РАНУДО.

Онъ конечно такой великой человекъ, какъ и всѣ Еоіопскіе Принцы.

Е

ПЕДРО.

ПЕДРО.

[тихо]

То даромъ, лишь бы онъ только знанной природы былъ.

Д. ГАНУДО.

Я думаю, что онъ и собою хорошъ?

ПЕДРО.

Въ томъ нужды нѣтъ, хотя бы онъ безъ ушей и безъ носу былъ.

Д. ГАНУДО.

Надобно думать, что сѣ и богатъ очень?

ПЕДРО.

Да на что ужъ богатство, вѣтъ копѣ въ какомъ словѣ Бомбасно великое богатство замыкается.

Д. МАРІЯ.

Я благодарю, милосливой государь батиска! за попеченіе ваше обо мнѣ, а мое намѣреніе было лучше въ монастырь итти.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ахъ, Донъ Ганудо! слова ея должны быть написаны золотыми линиями на таблицахъ и во вѣхъ знатныхъ домахъ повѣшены. И въ Колибрадосовой фамилии всегда знатныя опрасли растущъ.

Д. ЛЕОНОРА.

Ежели бы Донна Марія за нѣго кого эй-мужъ итти захотѣла, то бы я никогда на то не согласилась, я хочу лучше умѣреть, нежели дожить до ещайкой напасти.

Д. ГАНУДО.

Спасибо, Леонора, за твою вѣрность и почтеніе къ намъ. Ты всегда то доказываешь по воли моей.

ПЕДРО.

ПЕДРО.

Пока голова моя на плечахъ, я бы право не согласился никогда на то, чтобы ей быль за Гонзаломъ, хотя бы онъ и еще еного богаше быль. Я какъ услышалъ, что сестра его снала за него сванашъ, то такъ мнѣ снала досадно, что колотье пришло да и теперь еще нуще снала колотье. Ай, ай, ай? Знашь онъ того, что про него вспомнилъ, какъ то не дерзновение, что еинкой мужикъ смѣнѣ нѣз Колибрадосовой фамилии о невеснѣ себѣ думашъ. Разъ онъ думашъ, что нхъ Високородіе споль среброакбины, что согласился такъ себя унизишь? О ежели бы онъ мнѣ теперь попался! я бы его вошъ на еномъ мѣстѣ уходилъ до смерти; нѣхъ, прежде нежели бы ено едѣлалось, ялучше хотѣлъ бы весь домъ нашъ зажечь и Ваше и нхъ Високородіе въ пепелъ видѣшь.

Д. РАНУДО.

Хотя онъ и сошнуеиъ намъ згорѣшь, однакожъ милы мнѣ его слова за чистосердечіе.

ПЕДРО.

Такъ, сударь, пепелъ Вашего Високородія, ежели бы говоришь могъ, то конечно благодарилъ бы меня за геройскую смерть, и всѣ бы люди сказали, что вы жили геройски, и умерли геройски. Честъ вишь самое лучшее сокровище на свѣтѣ, а ежели чѣсти не будешъ, то на все счастье и богашиню палонуть. Я теперь говорю онъ чистаго сѣрдца, а когда другое что я когда скажу, такъ то бываешъ въ шутку.

Д. РАНУДО.

Я знаю Педро! что ты и шутки то говоришь вишь для нашего увеселенія.

ПЕДРО.

Конечно такъ, вишь придворной шутѣ можетъ иногда и дѣло говоришь, такъ и я когда надобно по-

чтеніе къ Вашему Высокородію, то я всегда говорю не шутками.

Д. ГАНУДО.

[ищетъ по карманамъ]

Вотъ, Педро, тебѣ за то, что ты теперь говоришь, пять червонныхъ. Ба! да я не думаю, чтобъ со мною столько денегъ было, однакожъ ты конечно получишь пять червонныхъ ежели не больше.

ПЕДРО.

[тихо]

У него теперь знать съ собою не валяно, а то я конечно получу, какъ и всегда бываетъ.

Д. ГАНУДО.

Ежели ты скоро и не получишь пять червонныхъ, то знай, что я тебѣ чтонибудь другое дамъ, которое еще и лучше того.

ПЕДРО.

Что такое сударь?

Д. ГАНУДО.

Ежели эта исторія выдѣнъ обѣишей фамиліи, о которой надеженъ, что все обстоятельно будетъ написано, то я сдѣлаю, что и твое имя съ похвалою включатъ.

ПЕДРО.

Да что мнѣ въ томъ прибави будетъ? Ба! да вотъ-знай Принцъ идетъ.

[отходитъ]

ГУСМАНЪ.

О ежелибы я умѣлъ по Египтски, я бы о многихъ вещахъ осведомился, а то очень много слышался, а особливо о Красномъ морѣ и о великой рѣкѣ Сеинѣ, которая сквозь всю землю ихъ протекаетъ по долоному песку.

Д. ГАНУДО.

Что ты врешь, Испанской Сеинѣ течетъ сквозь Парижъ во Францію.

ГУСМАНЪ.

ГУСМАНЪ.

Да! какъ бы да не такъ, сударь, я вѣтъ самъ видѣлъ въ одной Комедіи напечатано про нее, а внизу подписано *дѣйствіе есть въ Аралской землѣ*: да вошъ онъ, да какъ же дѣла сходны съ именемъ его, изоръ его такъ меня бомбардируетъ, что я на силу на ногахъ стояшь могу; не изволишь его сколько нибудь встрѣпить.

Д. РАНУДО.

Да! надобно, однакожъ выкаючая коронованныхъ персонъ, еще ешо первой, которому я ешу чести дѣлаю.

ГУСМАНЪ.

И мнѣ также... теперъ надѣюсь за насъ господамъ разсыланцамъ вымѣспятъ, что они насъ шавъ бездѣльнически ограбили.

Д. РАНУДО.

Ешобъ очень подло было, ежели бы я теперъ о такой бездѣлицѣ думалъ.

ГУСМАНЪ.

Между тѣмъ мнѣ теперъ и надѣтъ нѣчего, я право самъ Его Свѣшлось просить буду, чшобъ хопя судей перевѣшать приказалъ, чшобъ они впредъ насъ не обижали.

Д. РАНУДО.

Добро, швой убышокъ заплащашъ и безъ того, чшобъ Принца шрудить.

ГУСМАНЪ.

Да какъ же сударь?

ЛЕОНОРА.

Молчи, добро Гусманъ, не думаешь ли ты, что Есіопія за швой худые башмаки, или чулки со Испанією войну объявитъ. Теперъ нѣкогда объ ешакныхъ бездѣлицахъ думаешь: да вошъ онъ идешь со всею своею свипкою.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Принцъ пыходитъ съ своею спитою, состоящею изъ черныхъ Араповъ. Процессія начинается слѣдующимъ порядкомъ: сперва идетъ одинъ съ ларчикомъ, въ которомъ подарки положены, за нимъ другой съ труккою съ передлиннымъ чекукомъ, за нимъ Переводчикъ. Потѣмъ Гонзало, то есть Принцъ съ придворнымъ своимъ шутомъ, который озвѣщенъ цесъ колокольчиками, и окружъ Принца вѣдаючи разныхъ кривыхъ дѣлаетъ. За Принцомъ идетъ еще одинъ съ лукомъ и стрѣлами, потѣмъ Нотариусъ; всѣ прошедъ по театру три раза, въ которое время музыка играетъ, останавливается и тотъ у кого стрѣлы подошедъ къ Принцу, подаетъ ему лукъ со стрѣлою, сдѣлавъ при этомъ поклоны до земли, Принцъ взявъ лукъ тотъ влаетъ на Д. Ранудо, которой испугавшись топоритъ Переводчику.

Д. РАНУДО.

Что это значить?

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Такимъ образомъ у насъ мушныи другъ друга приѣписываютъ.

{ Потѣмъ другой подошедъ выстрелилъ изъ лука въ Гусмана, онъ упалъ отъ страху, а шутъ помогаетъ ему встать и топоритъ. }

Гостуки, Гостуко, Гостука,

ГУСМАНЪ.

Чортъ это не шутка, едакъ и до смерти убить не долго.

ГОНЗАЛО.

Лагамъ шуибу скомпа, по залагамъ губу лагамъ губа.

ПЕРЕ-

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Принцъ желаетъ Вашему Высокородію столько
лѣтъ жить, сколько разстояніемъ отъ насъ солнце
милъ, и сколько песчинокъ въ Красномъ морѣ.

ГУСМАНЪ.

[тихо]

Егошъ языкъ для крапкости зимой употребляешь
хорошо.

Д. РАНУДО.

[снявъ шляпу]

Покорно благодарствую за желаніе Его Свѣтлости,
и самъ желаю благословенія Божія.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Алола.

[принцу]

ГУСМАНЪ.

Правда, что языкомъ ихъ можно цѣлую исто-
рію на одномъ листу написать.

ГОНЗАЛО.

Даконъ шракшъ галили.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Принцъ говоритъ извоилъ, что онъ путь свой
принялъ сюда для совокупленія бракомъ съ Высоко-
родною Испанскою фамиліею, и требуетъ вашей лю-
безной дочери въ невѣсты.

Д. РАНУДО.

Я принимаю требованіе Его Свѣтлости за вели-
кое себѣ удовольствіе, и вручаю дочь мою ему.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

ЛакашоскѢ.

[Принцу]

Д. ГАНУДО.

[отдаетъ Донну Марію Принцу, потѣмъ
говоритъ Переводчику.]

Теперь подобно Нотариуса сыскать, чѣмъ надле-
жащимъ образомъ конспракиѢ сдѣлать.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Мы съ собою нарочно его позвали, [Нотариусу]
изволь написать конспракиѢ въ такой силѣ, какъ вамъ
сказано.

{ Нотариусъ садится за приготовленный столъ
и пишетъ, между тѣмъ шутъ дернулъ за-
полосы Гусмана не пзначай. }

ГУСМАНЪ.

ГосподинѢ ПереводчикѢ, за чѣмъ онѢ меня де-
реть, я ему ничего не дѣлаю.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Ено ничего, другѢ мой, Еѳіопскіе шушты всегда
какѢ говорящѢ, то употребляютѢ они знаки, назы-
ваемые полоки, а съ своею браньюю волѢ етакѢ, какѢ
съ тобою говорящѢ, и ено нарѣчіе называется Гони-
по, теперь сказалъ онѢ тебѢ, чѣмъ надѣешься съ то-
бой хорошими друзьями быть.

ГУСМАНЪ.

БлагодаренѢ за ешу дружбу, чортѢ ли видалѢ,
чѣмъ за дружбу волосы драсть; а когда хоть мало
поссоришься, но ужѢ по ешому и до смерти надобно
убить.

[шутъ дернулъ еще его за - полосы.]

ГУС-

ГУСМАНЬ.

Ай, ай, ай! поди прочь черной чортъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Онъ доказываетъ тебѣ, что хочешь всегда вмѣстѣ съ тобою жить.

ГУСМАНЬ.

Да я не хочу, чортъ съ нимъ захочетъ жить, онъ до тѣхъ поръ со мною етакъ договоритъ, что мнѣ и умѣреть придется.

[шутъ грозитъ ему рукою.]

Кой чортъ едакъ онъ мнѣ грозитъ, знаешь еще какую нибудь дружбу показать хочешь.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Онъ хочетъ тебѣ кое что про свою землю разсказать.

ГУСМАНЬ.

Пожалуй скажи ему, что я оппюдь не любопытенъ ни о чемъ знаешь, онъ право до смерти меня заговоритъ.

[шутъ щелкнулъ его пощечиною.]

ГУСМАНЬ.

Ай, ай, ай!

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Ето значитъ начало его исторіи.

ГУСМАНЬ.

Ну! такъ и мнѣ приходится гонимо употреблять.

{ Бросился на шута, и стали драться до тѣхъ поръ, }
{ пока разняли, между тѣмъ нотаріусъ изготоя }
{ контрактъ, подаетъ для подписки. }

Д. РАНУ-

Д. РАНУДО.

Пускай Принцъ и дочь моя напередъ подпишутъ,
а потомъ мы засвидѣтельствуемъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Итъ сударь, въ нашей землѣ всегда женихъ и
невеста послѣ подписывающъ имъ только мѣсно осна-
вляющъ.

Д. РАНУДО.

Во всякой землѣ свой обычай, давай я подпишу,
когда пакъ надобно.

*{ подписываетъ съ женою, причемъ играютъ на трубахъ,
а послѣ Гонзало и Донна Марія, тогда всѣ кричатъ
пипатъ, музыка играетъ съ литаврами, потомъ
Нотариусъ читаетъ контрактъ. }*

НОТАРИУСЪ.

Мы нижеподписавшіеся съ согласія родителей
и сродниковъ нашихъ вѣчной и не разрывной союзъ
заключаемъ, и хотя одна воля и любовь жениха съ
невесты супружеству прирѣчна, однако жъ мы не
хотимъ и право гражданское нарушить, употребляемъ
всѣ къ тому надлежащія переговоры, и согласіе дру-
зей нашихъ присовокупляемъ, въ чемъ они обще съ
нами и подписались.

ГОНЗАЛО.

Донна Марія, Колибродсъ.

Д. РАНУДО.

Что ешо Гонзало?

ГОНЗАЛО.

Такъ сударь, къ услугамъ вашимъ. [снявъ шляпу.]

Д. РАНУДО.

Ешмой обманъ публично наказанъ быть долженъ.

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

А конспракшъ изодрашъ надлежниѣ.

НОТАРІУСЪ.

Ешого сдѣлать не лъзя, свадьба, которая по
всѣмъ прывамъ съ согласія и подписками всѣхъ унвер-
ждена, не можетъ быть уничтожена.

Д. ОЛИМПІЯ.

Да ето обманомъ все сдѣлано.

НОТАРІУСЪ.

Объ етомъ мы не знаемъ, мы то сдѣлали,
что должность наша требуетъ.

Д. ГАНУДО.

Ешого конспракшъ для неравенства персонъ со-
всѣмъ недѣйствителенъ.

НОТАРІУСЪ.

Мы никакого неравенства не видимъ, по тому,
что какъ женихъ, такъ и невѣста оба дворянской фа-
миліи, а не равенство развѣ въ томъ только есть,
что Гонзало беретъ невѣсту безъ приданого.

Д. ОЛИМПІЯ.

Дочь моя умретъ лучше, нежели не по состоя-
нію своему выдѣтъ за-мужъ.

Д. МАРІЯ.

Подлинно я умереть желаю лучше, нежели допе-
рять такого жениха, котораго я довольно люблю.

Д. ОЛИМ-

Д. ОЛИМПІЯ.

Донъ Ранудо, не спанемъ ея больше за дочь свою признавать и лишимъ наслѣдства.

ПЕДРО.

Да было бы чего лишить, и то вить развѣ только одна епанча черная осянется.

Д. ОЛИМПІЯ.

Я вижу, бездѣльникъ, что и ты ихъ же паршій, да думаю, что и весь городъ ещѣму обману радоваться станемъ.

ГУСМАНЪ.

Куда какъ хитро сдѣлала ты Леонора, я право думалъ, что ещѣ шочной Арапской Принцѣ.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ещѣ контрактъ не только что уничтоженъ будетъ, да и вы всѣ за обманъ публично наказаны будете.

ГОНЗАЛО.

Контрактъ сдѣланъ правильно и опорочить его не лзя.

Д. РАНУДО.

Я ссылаюсь на всѣхъ служителей моихъ въ томъ.

ПЕДРО.

Я могу сказать, что свадьба заключена.

ЛЕОНОРА.

И я доказать могу, что невѣста жениха любила.

НОТА-

НОТАРИУСЪ.

Дѣти должны хотя подвластны родителемъ
быть, пока въ возрастѣ придуть, и пока родители
въ цѣломъ умѣ, а въ противномъ случаѣ позволено
имъ по своей волѣ поступать по артикулу Испан-
скому.

Д. РАНУДО.

Да развѣ мы не въ цѣломъ умѣ, спросите доче-
ри моей и всѣхъ людей, дѣлали мы когда такое,
что иибудь, по чему бы какъ сумасбродными по-
чѣсть можно было?

Д. МАРІЯ.

Я не знаю, батюшка, за разумѣ ли ешо почѣсть;
что вы хотѣли лучше съ голоду уморить, нежели
оплакать меня за-мужъ за Гонзало.

ПЕДРО.

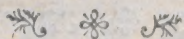
Я такъ же держу, что господинъ и госпожа на-
ши не въ цѣломъ умѣ.

ЛЕОНОРА.

И я тогожъ мнѣнія.

ГУСМАНЪ.

Я почитаю господъ своихъ за разумныхъ людей;
а сказать правду, кажется мнѣ, будто есть у нихъ
нѣчто такое въ головѣ, которое у безумныхъ бы-
ваетъ.

НОТАРІУСЪ.

Вотъ видите свидѣтельство служителей вашихъ,
въ которомъ здѣсь нужды нѣтъ, для того, что весь
городъ такоужь объ васъ мнѣнія, а что сдѣлано,
то все по правамъ сдѣлано.

Д. ОЛИМПІЯ.

Ахъ! Донъ Ранудо, пойдемъ лучше въ монастырь.

ЛЕОНОРА.

А мы станемъ свадьбу играть.

КОНЕЦЪ КОМЕДИИ.

МК III - 2340

2387-77

3-

2985/866

14-4-75

